

АРТЕМ ШУМИЛИН СЕРЖ ВИНТЕРКЕЙ

РЕВИЗОР:
ВОЗВРАЩЕНИЕ В СССР: 2

Ревизор

Серж Винтеркей

Ревизор: возвращение в СССР 2

«Автор»

«Автор»

2023

Винтеркей С.

Ревизор: возвращение в СССР 2 / С. Винтеркей — «Автор»,
«Автор», 2023 — (Ревизор)

Продолжение приключений московского аудитора, попавшего из нашего времени в 1971 год. Теперь он шестнадцатилетний Павел Ивлев, школьник, и получил шанс прожить жизнь заново. Застой еще впереди, Союз бурно развивается, а самое главное – вокруг самые настоящие советские люди, умеющие искренне дружить и любить.

© Винтеркей С., 2023

© Автор, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Артем Шумилин, Серж Винтеркей **Ревизор–2 (Дело молодое)**

© Артем Шумилин, Серж Винтеркей, 2023

Глава 1

18.02.71 г. У дома Домрацких-Ивлевых.

Так, что могло случиться? – встревоженно подумал я. Почему Иван выглядит таким подавленным?

Из-за Эммы и ее отчима я забыл, что у нас совещание сегодня на конспиративной квартире. Хотя, десяти часов ещё нет. Да и не стал бы Иван переживать, даже если бы я забыл про совещание. Чего об этом волноваться, живем рядом.

– Я на минутку, – оповестил я своих, быстро накинул на себя бушлат и вышел на улицу, где меня ждали Иван и Вася-негр.

– У Цушко инфаркт, – сказал Иван.

– Ничего себе новость! Он жив вообще? – спросил я.

– Когда в скорую грузили, был жив, – ответил за него Вася-негр. – В больницу нашу повезли.

– Что теперь, план меняется?

– В смысле? – не поняли меня парни.

– Ну, выемку документов же теперь задержат, наверное?

– Не знаю, – развёл руками Вася.

– Вы у Терентьевых уже были? – спросил я.

– Нет.

– Ну, давайте тогда пойдём, посоветуемся, – предложил я. – ОБХСС должна сказать, что дальше делать. Мне только своих предупредить надо.

Я вернулся к нам в кухню. И девчонки, и Герман всё так же сидели за нашим большим столом. Атмосфера царилла напряженная. Я услышал, как бабушка говорила Эмме:

– Каждый сам выбирает, как ему жить и с кем. Поверь, если бы твоя мать хотела что-то изменить в своей жизни, она бы это сделала.

– Конечно, – добавила моя мама. – Подумай сама, неплохо она устроилась – дочь по хозяйству и с детьми помогает. Пенсию на тебя получает. Больным ребёнком прикрылась, все её жалеют. А как тебе живётся с ней и её мужиком, какие у тебя проблемы – ей плевать.

Я подошёл к столу.

– Мне уйти надо. Иван помочь просит, – сказал я, когда за столом повисла пауза.

Бабушка кивнула головой.

– Не задерживайся допоздна, – попросила мама, – ты совсем мало спишь.

– Я постараюсь, – ответил я и вышел на улицу.

Мы втроём направились по Школьной улице в сторону дома Терентьевых. Шли молча. Иван был сильно расстроен. Я улучил момент, когда мы немного отстали от Васи.

– Мы не виноваты в том, что Цушко в больнице, – сказал я Ивану, – Вася тебе подтвердит, Цушко сегодня контролёру из Брянска дал приличную сумму в качестве взятки. И по случайному стечению обстоятельств об этом все узнали. Вечером, когда я уходил с базы, Цушко уже плохо выглядел. Небось, перепугался огласки, вот и довёл себя до инфаркта.

– Всё равно, как-то не по себе, – ответил Иван. – Такое чувство, как будто это мы его довели.

– Он сам себя довёл, – возразил я, – ты помнишь, чем он занимался? Как Веронику хотел подставить? Он точно не сожалел бы, что жизнь ей испортил.

Иван при этих словах немного встряхнулся. Видно было, что чувство вины заставило его на какое-то время подзабыть, с чего все началось.

– Наган и патроны ещё никто не обнаружил. Хочешь, заберём их сегодня? – спросил я, чтобы окончательно вернуть его в чувство.

– Не знаю даже, – ответил Иван.

– Ну, думай пока, – сказал ему я.

– Ладно.

– Вась, сегодня ты ночью на базе дежуришь? – уточнил я на всякий случай, когда мы снова поравнялись с ним.

– Да, – ответил он.

Пока мы молча шли к Терентьевым, я всё думал о матери Эммы. Что могло заставить её закрывать глаза на домогательства своего никчёмного сожителя к собственной несовершеннолетней дочери? Денег от него не было. Такой боров, он что нашабашит, сам же пропьёт и проест. Живут в доме Эммы и её дядьки на птичьих правах. О чём она вообще думала? Мне уже захотелось посмотреть на эту, с позволения сказать, женщину.

Мы подошли к дому Терентьевых. Каштанка сопровождала нас от калитки до дома радостным лаем.

Из входной двери выглянул Николай и пригласил нас в дом.

– Что это вы целой делегацией пришли? – удивлённо спросил он.

– У нас дело грозит развалиться из-за отсутствия обвиняемого, – ответил за всех Вася, пока мы раздевались-разувались.

– Не понял? – удивился Николай, пропуская нас в хату.

– Цушко госпитализирован с инфарктом, – пояснил я.

– Вы это серьёзно? – опешил хозяин.

– Серьёзней некуда, – ответил Вася. – Его скорая увезла в бессознательном состоянии.

– Вот так так, – пробормотал Николай.

К нам подсел Александр и вместо приветствия показал всем прижатый к губам указательный палец.

– Тише, – прошептал он, – мать уже спит.

Мы расселись вокруг стола поближе друг к другу и, наклонившись вперёд, начали обсуждать сложившуюся ситуацию.

– Что насчёт выемки, отменят теперь? – первым делом уточнил я самый важный вопрос.

– Понятия не имею, – ответил Николай. – Скорее всего да. Ну или, как минимум, перенесут.

– Да подождите вы, – возразил Иван. – Может, он ещё оклемается и вскоре на работу выйдет.

– Это вряд ли, – ответил ему Вася. – Выглядел он совсем хреново. Мы с Никифоровной боялись, как бы он не помер до приезда скорой.

– А что он так распереживался-то? – спросил Александр. – Что аж Кондратий чуть не хватил!

– А вот было ему с чего переживать, – ответил ему Вася. – Он сегодня контролёру из Брянска пару тысяч взятку дал, да Паш?

– Сложно так на глаз определить, сколько там было, – попытался прикинуть я. – Весь пол был усыпан зелёными и синими купюрами. Это же тройки и пятерки?

– Как это усыпан? – спросил Николай. – Зачем?

– Случайно так получилось, они точно не планировали, – ответил я, и мы с Васей произвольно засмеялись, вспоминая эту картину.

– Что там у вас случилось? – спросил Александр.

– Контролёр взятку выронил, – ответил я, с трудом сдерживая смех. – Рассыпал по всему кабинету Цушко. Всем трудовым коллективом собирали.

– Что, серьёзно? – засомневался Николай. – И сколько же там было?

– Если там были только тройки и пятёрки, – попытался опять прикинуть я, – то, наверное, тысяча.

– Да нет, – возразил Вася. – Больше.

– Я никогда не видел рассыпанной по полу пачки денег, – задумчиво сказал я. – Но, думаю, что сто листов будут смотреться очень впечатляюще. Сто трояков это всего лишь триста рублей, пачка пятёрок это пятьсот рублей. Три пачки разного номинала вот тебе и весь пол усыпан. А по факту там всего тысяча с копейками.

– Всего тысяча с копейками, – передразнил меня Вася. – А если там были не тройки, а полтинники? Они же тоже зелёные.

– Полтинники и сотки крупнее других купюр, – задумчиво сказал Николай, – если размер синих и зелёных купюр был одинаковый, то это тройки и пятёрки.

– Короче, что гадать? – решил Вася. – Никифоровна собирала купюры и точно видела их. Вот, её допросишь и всё выяснишь.

– И то верно, – согласился Николай.

За одной из занавесок кто-то заворочался в постели.

– Уже поздно, давайте по домам, – предложил Иван.

Мы засобирались. Когда мы вышли на улицу, Вася-негр быстро попрощался с нами и поспешил вернуться на базу.

А мы с Иваном пошли к себе.

– Ну, что ты решил насчёт нагана? – спросил я Ивана.

– Ничего пока не решил, – ответил он. – Смысла его оставлять там теперь особо нет. Но утро вечера мудренее. Мало ли как все еще обернется. Не будем спешить. У меня ещё есть время подумать до понедельника.

Я не стал поднимать больше эту тему. Прикинул, что если Вася дежурил вчера и сегодня, то следующие его ночи будут как раз с воскресенья на понедельник и со вторника на среду. Так что и правда, время отыграть обратно подставу Цушко у нас есть.

Мы свернули на нашу улицу и столкнулись с Германом. Он возвращался от нас к себе. Я пожал Ивану руку на прощанье и остановился перекинуться парой слов с Германом.

– Я тут что надумал, – сказал я ему, – кому-то из взрослых надо обязательно поприсутствовать при первой встрече Эммы с матерью. Иначе толку не будет. Мать просто задавит Эмму своими претензиями, та не сможет сопротивляться. Надо пригрозить матери выселением из вашего с Эммой дома, лишением её родительских прав на Эмму и, соответственно, Эмминой части пенсии по потере кормильца.

– Я понимаю твое возмущение. Сам взбешен всей этой ситуацией. Но не уверен, что надо сразу действовать так строго... – ответил Герман. – Эмма может не захотеть.

– Без этого никак. Эмме самой с матерью не справиться, Нужна помощь взрослых. Мать задавит её чувством вины и сделает из неё свою добровольную рабыню.

– Уже сделала, – пробормотал Герман. – Только Эмма этого не понимает.

– Тогда, в любом случае, их надо разводить, хотя бы для того, чтобы у девушки был выбор: остаться сегодня с матерью и помочь ей по хозяйству и с детьми или вернуться в спокойную обстановку заняться учёбой или просто отдохнуть, – сказал я. – Сама Эмма этого добиться не сможет. Мать ее, судя по рассказам, человек не совсем адекватный. А значит надо изначально показать ей, что никаких лазеек нет и не будет, что Эмма отныне под защитой взрослых и в обиду ее не дадут. И если что пойдет не так, то мать лишится не только дочери, но и существенной части своих преимуществ. Ты посоветуйся с супругой, подумайте еще обо всем об этом и позовите нас с бабушкой, когда мать Эммы приедет. Попробуем вместе до неё достучаться.

– Хорошо, обязательно позову. И это – спасибо за помощь сегодня! Ты очень сильно повзрослел, – Герман подал мне руку, мы попрощались и пошли по домам.

Я пришёл домой, думая, что у нас все уже спят. Какое там. Бурлящее бабье царство. Моих трое плюс Эмма и их малыш. Все перевозбуждённые. Аришка наша с восхищением приняла Эмминого братишку. Визг, писк, борьба в партере на моём диване. Эмма у них за старшую.

Я подсел за стол к бабушке и матери. Вид у них был уставший, но довольный. С чувством исполненного долга они пили чай и обсуждали произошедшие сегодня события. Я тоже налил себе кружку и с удовольствием вытянул ноги. Устал. Сегодня за целый день я ни разу не вспомнил об учёбе. Такими темпами я к экзаменам не подготовлюсь.

– Кстати, Эмма, – крикнул я, не вставая из-за стола. Девчонка сразу выглянула из моей комнаты. – Ты в каком классе учишься?

– В девятом. – ответила она.

– А учишься как?

– Хорошо, без троек.

– О, молодец. У тебя ещё год есть к выпускным экзаменам подготовиться. Думала уже, куда после школы?

– Может, в садик к тёте Вале нянечкой пойду.

Я поперхнулся чаем.

– Работать? – удивлённо переспросил я, прокашлявшись. – А учиться?

– Нам деньги нужны. – ответила Эмма.

– Кому нам? – спросил я, начиная раздражаться.

– Нашей семье. – ответила Эмма. – и мать похвалила, говорит, надо мне скорей зарабатывать.

– Да, хорошо же ей мозги промыли, – тихо сказал я бабушке с мамой, когда девчонка скрылась в комнате, – Может вы объясните ей, что семья родителей это они сами и их несовершеннолетние дети, ответственность в семье за всё несут родители. А выросшие дети должны заводить свои собственные семьи и за них уже нести ответственность. Эмме надо после школы дальше идти учиться и о своём будущем думать.

– А за постаревших родителей кто несёт ответственность? – спросила бабуля, с интересом глядя на меня.

– Среднему поколению всегда больше всего достаётся, – подумав, ответил я. – И за взрослых детей отвечать надо. И постаревших родителей опекать. В нашей семье среднее поколение – это мама. Я улыбнулся и посмотрел на мать.

– Я? – встрепенулась она. – А что сразу я?

– Так получилось, – попробовал я закончить этот разговор, глаза уже слипались. – Давайте детей укладывать. Уже поздно.

Мы кое-как развели малышня. Аришка устроила скандал, хотела ещё поиграть с Колей, братишкой Эммы.

Вторая кровать в спальне бабушки была значительно уже, чем все остальные кровати в доме. А мой диван раскладывался в полноценную двуспальную постель.

Я предложил малому положить со мной, потому что у бабушки в комнате им вдвоём с Эммой будет тесно. Но малой испугался и вцепился в Эмму мёртвой хваткой. Пришлось мне лечь в комнате бабули, а на моём диване положили Эмму с братишкой.

Постепенно все успокоились и разлеглись. Ходики отбили полночь. Завтра в школу. Я даже не посмотрел, что там по расписанию. Ладно, всё завтра. Я так устал сегодня. Всё завтра.

Ночь прошла спокойно. Или я спал не просыпаясь. В половину седьмого меня растолкала бабушка.

– Ты просил тебя на полчаса раньше будить, – напомнила она.

Спросонья я не мог сообразить, куда мне надо сегодня так рано. Пошёл умылся холодной водой из умывальника. Только потом вспомнил, что я же бегу теперь по утрам.

Я оделся в домашние штаны, рубашку и свитер. Надел свои бурки, шапку-ушанку, варежки и вышел во двор. Уже почти рассвело. Ощущался лёгкий мороз. Я вышел на улицу, Славки ещё не было. Я решил пока немного разогреться и размяться. Помахал руками, подделал наклоны вперёд, назад и в стороны. Вскоре подбежал Славка, и мы не спеша побежали к хлебозаводу, обмениваясь новостями.

– Что, был вчера у Кузнецова? – поинтересовался Славка.

– Был. Ему здорово досталось. Вся рожа сплошной синяк, на верхней губе несколько швов, еле говорит.

– Во блин. Сказал, кто его так отделал?

– Дядька.

– Давай сходим к нему в больницу после школы.

Мне на подработку вроде надо было бы сегодня. Но Цушко в больнице, и кто мне вместо него заплатит? Похоже, нет смысла сегодня идти работать.

– Давай сходим, – согласился я. – Что вообще в школе нового?

– Да ничего интересного.

– Юльке не влетело за нашу проделку с макулатурой?

– Вроде нет, – задумчиво ответил Славка. – Во всяком случае, ничего не говорила.

– Ну, будем надеяться, пронесло. Поход в субботу не отменили?

– Нет. Ты что? Готовимся, – важно ответил Славка. – Деньги на продукты собирали, я за тебя полтинник сдал.

– Отлично, спасибо, – сказал я. – Кстати, а палатки, спальники, котелки, это где всё брать?

– Палатки, котелки школьные. А спальники свои.

– Да? У меня тоже есть спальник? – спросил я Славку.

– Честно? Я не знаю, – ответил он с сомнением. – Ты зимой никогда в походы не ходил.

– А что так?

– Так больной ты, вроде, – ответил мне смущённо друг. – Тебе нельзя.

– Да ладно, – удивился я. – И чем я болен?

– Что-то с лёгкими, кажется.

– Вот чёрт. И бабушка всё пугала меня пневмониями, когда я закаляться решил, – вспомнил я.

– Точно, точно, пневмония у тебя была недавно, – подтвердил Славка.

– Так меня же мать с бабушкой и в поход могут не пустить, – испугался я. – Надо будет им сказать сегодня, посмотреть на реакцию.

Так не спеша, за разговорами, мы добежали до хлебозавода и повернули обратно, прибавили скорости и говорить уже не могли. Последний участок бежали на скорость. Славка меня обогнал, очкарик, а туда же. Все, физической формой пора заняться всерьёз. Организм молодой. Самое время тренировать его.

Мы разошлись по домам, договорившись встретиться здесь через час и идти в школу вместе.

Я вошёл в хату. Было начало восьмого. Все, кроме бабушки, ещё спали. Я разделся до трусов, взял полотенце, ведро с водой и потащил его во двор. Бабуля уже не ворчала.

После водных процедур я переоделся сразу в школьный костюм, который бабушка предусмотрительно вынесла мне из гостиной к себе в спальню. Но мне всё равно пришлось побеспокоить спящих на моём диване гостей. При свете, проникавшем из кухни через открытую дверь, я собирал портфель, с трудом вспомнив, какой сегодня день недели.

Сегодня по расписанию алгебра, геометрия, русский, литература, черчение и география. Я покидал в портфель тетради, учебники, атлас по географии и контурные карты. А что брать на черчение? Готовальню? А бумага-то чертёжная где?

– Ну, вон же папка для черчения, – вдруг услышал я шёпот за спиной.

Я резко обернулся от неожиданности. Эмма уже оказывается не спала.

– Я что, вслух говорил? – ошарашенно спросил её.

– Ну да. Бурчал себе под нос, как дед, – улыбнулась она, приподнялась на локте и показала мне на папку формата А3, стоявшую на полке секретера торцом ко мне.

Вот тебе на. Получил молодое тело, а привычки остались, как у старика. Хотя, реакция организма на юную красотку в одной ночнушке вполне здоровая.

Я поспешил выйти со своим барахлом в кухню. Поставив портфель на стол, я укладывал в нём книги и тетради. Вдруг в памяти всплыл шуточный стишок из прошлого:

– Если девушка красива и в постели горяча – в этом тоже есть заслуга дорогого Ильича... – тихо пробормотал я в тишине.

– Чего ты там бормочешь? – спросила бабушка, удивлённо глядя на меня и ставя передо мной тарелку с геркулесовой молочной кашей. – Ешь давай. И не болтай, а то подавишься.

Я смолотил кашу, глотнул чаю и пошёл за водой, пока время есть.

Вернувшись и поставив ведро с водой на место, я сел за стол допивать чай.

– Ба, у нас есть тёплый спальник? – спросил я, чтобы прозондировать почву насчёт похода.

– Зачем тебе?

– В поход завтра идём.

– С ночёвкой? – бабушка села на табурет, вытирая руки о фартук. – С кем?

– С классом.

– Полянские тоже идут?

– Наверное. Дались тебе эти Полянские. Что насчёт спальника?

В кухню вышла Эмма. Она уже была в халатике, но мою фантазию это не смущало. Девушка подошла к умывальнику. Я не мог оторвать свой взгляд от её тонкой талии, плавно переходящей в офигенную линию бёдер.

Только получив ложкой в лоб от бабушки, к счастью несильно, я отвлёкся от созерцания этой прелестной картины и посмотрел на неё. Она изо всех сил старалась сделать строгое лицо, но глаза её смеялись. Я не понял, чему она была так рада, соорудил негодующую гримасу, отстаивая своё право на интерес к противоположному полу.

Бабуля в ответ показала мне кулак, уже не скрывая улыбки.

Эмма повернулась к нам, и мы поспешили сделать нейтральные лица.

– Зачем тебе спальник? – спросила меня девушка. – В поход собираешься? Я бы тоже хотела сходить, – сказала она мечтательно. – А то всё дома и дома. Уборка, стирка, уроки, братья.

О, смотри-ка, о себе начала думать. Не зря говорят: утро вечера мудренее.

– Найду спальники, пойдёшь завтра с нами, – пообещал я Эмме.

– Ещё чего придумал? – взвилась бабуля.

– Ба, расслабься. Ну что ты из всего проблему делаешь? Ничего с нами не случится.

Я собрался, пожелал всем хорошего дня и вышел на улицу. Славка тоже уже вышел из своего дома и шёл в мою сторону. Вскоре он догнал меня.

– Ну, что, в поход идёшь? – первым делом спросил он меня.

Глава 2

19.02.71 г. По дороге в школу.

– Слушай, ситуация не простая – начал объяснять я. – У нас сейчас соседка с младшим братом временно живут. У них мать в больнице. Девчонка с нами хочет в поход. Но бабуля не пускает. Я так понимаю, что одного меня она уже готова отпустить. Но вдвоём с девчонкой – ни в какую.

– И правильно. Нечего со своим самоваром в походы ходить, – заржал Славка.

– Ты бы видел этот самовар, – восторженно сказал я.

– Да? А сколько ей лет?

– На год нас младше. В девятом учится. Может знаешь, Эмма Либкинд?

– Эмма у вас живёт? – не поверил мне Славка. Он даже остановился. Я не сразу это заметил. А когда спохватился, что друга нет рядом, оглянулся назад. Славка потрясённо смотрел на меня. Я вернулся к нему. – Э! Друг, ты чего завис?

– Эмма у вас живёт? – опять ошарашенно спросил Славка.

– Живёт, живёт, – подтвердил я.

– Ничего себе, – проговорил он, приходя в себя. – Я к вам сегодня зайду.

– Зачем? – не понял я.

– Какая разница? Зайду и всё, – решительно заявил Славка. – Уговаривать буду твою бабу, чтобы она Эмму с нами отпустила.

– Э, друг! – воскликнул я, догадавшись наконец, о его интересе к моей девчонке. – Это мой самовар!

– У тебя Юлька есть, – безапелляционно заявил мне Славка. – Хватит с тебя.

– В смысле у меня Юлька есть? – теперь уже я остановился в растерянности.

– И этого не помнишь? – подошёл ко мне Славка. – Она за тобой с седьмого класса ходит.

– Не помню. Это правда? А я что?

– А ты дурак, – ответил Славка и пошёл дальше.

– Это почему? – догнал я его.

– Потому что тебе Диану подавай. А ей на тебя плевать всегда было с высокой башни.

– О как, – начал складываться у меня в голове пазл. – Я думал, ты прикалывался насчёт Дианки. Я что, в открытую тебе говорил о своём интересе к ней?

– Не говорил, но и так всё видно было. Ты смотрел на неё, как голодный пёс на сахарную кость.

– Ну понятно. И бабушка меня всё Полянкой зачем-то пугает. Требуется, чтобы я про неё даже думать не смел.

– Чего? – удивился Славка. – А она-то откуда знает?

– Откуда-то знает, – проворчал я. – Ладно, друг. Не будем мы с тобой дружбу свою на девчонок менять. Хочешь Эмму, дерзай. Получится у тебя, я только рад буду. Тем более что, как оказалось, у меня уже есть Юлька.

Правда, я к Юльке относился исключительно как к другу и представить себе не мог другого к ней отношения.

Я похлопал Славку по плечу, и мы пошли дальше в школу.

– Лучше скажи, – вспомнил я, – где два спальника взять?

– Зачем тебе два?

– Один мне, второй Эмме.

– Будем искать, – задумался Славка.

Мы подошли к школе одновременно с Ветой Беловой и её мелким клоном Норкой. Что-то неуловимо изменилось во внешности Ветки. Я не понял, что, но лицо её стало ярче, хотя очевидной косметики я не заметил. Молодец, что-то придумала.

Мы все вместе вошли в школу. Пока я бегал к медсестре отдавать справку, Ветка проводила свою мелкую, и мы вместе вошли вслед за Славкой в нашу раздевалку. Там уже были моя Юлька, Лёха Мужижкий и другие наши одноклассники.

Все обступили меня. Парни здоровались за руку. Девчонки просто стояли. Всех интересовало состояние Мишки Кузнецова, все уже были в курсе, что он попал с побоями в больницу.

Я рассказал, приукрасив, о жутком внешнем виде Мишки. Сказал, что отделал его дядька. Других подробностей рассказывать не стал, подумал, вдруг он не распространяется в классе о жизни своей семьи. Придёт, сам расскажет, если захочет.

Одноклассники бурно обсуждали эту ситуацию. Пришли Полянские. Тимур, как сторонник радикальных методов, предложил вечером пойти проучить Мишкиного дядьку, типа, чтоб руки не распускал.

– Кто со мной? – возбуждённо агитировал он парней.

Я еле уговорил его, убедив, что Мишкиным дядькой сейчас разбирается милиция и лучше туда не соваться с попытками самосуда. А то ещё нас самих заметут за хулиганку.

Девчонки очень переживали и сочувствовали Мишке и собрались всей толпой идти его навещать после уроков. Но я и этих остановил:

– Это же больница, туда нельзя гурьбой. Три человека максимум. И то, лучше без девчонок, а то Мишка стесняться вас будет. Он сейчас как Франкенштейн выглядит.

Девчонки захихикали, но согласились со мной.

– Я иду в больницу к Мишке сегодня после уроков, – заявил Славка. – Кто со мной?

– Я пойду, – вдруг вызвался Полянский.

– И я, – сказал Лёха Мужижкий.

– Вот и хватит пока, – подвел я итог. – Завтра ещё кто-нибудь ходит. И получится, что к Мишке каждый день друзья ходят. Ему приятно будет.

Мы все пошли на алгебру. Только мы вошли в класс, как прозвенел звонок. Занятия шли своим чередом. Я потихоньку вспоминал школьную программу. На первой перемене между алгеброй и геометрией мы с Юлькой остались сидеть в классе. Я поинтересовался, как всё прошло с макулатурой, зачли наше участие в сборе или нет? Она ответила, что никто ничего ей не сказал. Мы занимаем «почётное» седьмое место по итогам года, и никто на нас особо внимания не обращает.

Ну хорошо, прокатило.

После геометрии мы перебазировались к кабинету русского языка и литературы и ждали в коридоре, пока Кириешка отпустит на перемену другой класс.

Мы кучно стояли в рекреации. Юлька, Ветка, Славка, Диана, Лёха, Тимур и Светка Герасимович.

Я всё разглядывал Ветку, пытаюсь понять, что именно настолько изменило её внешность в лучшую сторону. Она заметила мой взгляд.

– Ты сегодня великолепно выглядишь, – громко сказал ей я, чтобы она услышала меня сквозь гул множества голосов, стоявший в рекреации.

– Спасибо, – ответила Ветка и едва заметно покраснела.

Полянский громко фыркнул и заржал. Я посмотрел на него, не понимая причины такого веселья, потом посмотрел на остальных. Кто-то улыбался, кому-то было всё равно. И только Юлька стояла, глядя в пол, готовая вот-вот разреветься. Раньше я не обратил бы внимания на это, ну мало ли у девушек причин, чтобы переживать на ровном месте. Но в свете того, что сообщил мне сегодня Славка, я понял, что сваял дурака, сделав Ветке комплимент при Юльке.

– Звезда моя, – подошёл я к ней при всех, – а ты всегда выглядишь очаровательно.

Тут уже девчонки рассмеялись, причём все. Дурочки. Похоже, они тут комплиментами не избалованы. Ну, хотя бы Юлька улыбнулась смущённо и перестала ревновать. Прозвенел звонок. Мы пошли в класс. Полянский пропустил вперёд себя Ветку и, передразнивая меня, сказал:

– Проходи, звезда моя.

Все опять заржали. Ну и пусть. По любому, «звезда моя», лучше, чем «опарыш». При всём при этом, Ветка с вызовом посмотрела на Полянского и прошла мимо него в класс с гордо поднятой головой.

На уроке Кириешка методично вбивала нам в голову ответы на экзаменационные вопросы. На литературе мы прорабатывали темы сочинений. Я забыл утром заправить свой паркер, и у меня посередине урока закончились чернила. Вот дырявая голова. Засмотрелся утром на девчонку и обо всём на свете забыл. Пришлось дальше писать карандашом.

Зато потом за нами пришёл Аркадий Наумович и сказал, что черчения не будет. Он забрал нас к себе в подвал. Мы были в восторге. Быстро, минут за пятнадцать, мы посчитали собранные на продукты деньги и договорились, кто сколько и чего покупает. Мы разделили между собой общественный походный инвентарь. Я взял себе набор котлов, чтобы бабушке даже в голову не пришло меня не пустить: она же оставит голодным целый класс в лесу.

А дальше Аркадий разрешил всем желающим по очереди пострелять по мишеням из воздушшек. Я подозвал жестом Славку и повёл его к педагогу.

– Аркадий Наумович, – начал я, – мы пригласили с нами в поход девчонку соседскую. Можно?

Он рассмеялся.

– Сначала пригласили, а потом разрешения решили спросить. Да? – он смотрел на нас выжидающе, ухмыляясь и уперев руки в бока.

Я молча кивнул головой.

– Ладно. Что за девчонка?

– Эмма Либкинд из девятого класса, – доложил вперёд меня Славка.

– А. Ну Эмму-то я знаю. Конечно. Пусть идёт, – разрешил Аркадий. – Она много ходила с нами класса до шестого. Пусть идёт, только за экипировку её вы отвечаете.

– Так точно! – согласился я обрадованно. – Спасибо.

Мы пошли к стрелкам. Мишеней было две. Стреляли парами. Весь класс собрался вокруг и с интересом наблюдал за первой парой Полянский-Белова.

– А что тут происходит? – спросил я, подходя к возбуждённо галдящим зрителям.

– Матч-реванш! – ответила мне Диана.

– Они всё никак не выяснят, кто из них лучше стреляет, – объяснил мне Славка.

Класс разделился: кто-то болел за Тимура, кто-то за Ветку. Из отдельных выкриков я понял, что это их противостояние длится уже не первый год.

Начался турнир. Стреляли из пистолетов по мишеням с расстояния метров десять. Оба стрелка работали очень кучно. Шли ноздря-в-ноздю. У каждого по десять выстрелов. После пятого выстрела оба соперника стали более тщательно прицеливаться. Зрители замирали в это время, стараясь им не мешать. Напряжение нарастало.

После восьмого выстрела они оба очередной раз положили пистолеты на столы перед собой для перезарядки. Перезарядили и переглянулись. Всего мгновение они упрямо смотрели друг на друга. Вдруг мне показалось, что между ними воздух искрит.

Ничего себе. Да это же пара. Только они этого сами ещё не поняли.

– Вот оно что, – удивлённо проговорил я в полной тишине, – единство и борьба противоположностей. Как два магнита и притягиваются, и отталкиваются одновременно.

Тимур и Ветка повернулись ко мне с искренним возмущением на лицах.

– Смотрите, не перестреляйте друг друга, – сказал я им, ухмыляясь. – Народ, пошли, не будем мешать большой и чистой любви.

Народ, конечно, никуда не ушёл. Все возбуждённо загалдели. Турнир Полянский-Белова как-то сам собой на этом завершился. Произошла смена стрелков.

Аркадий поменял мишени, предварительно подписав их именами новых участников.

– Кому? – спросил он, держа в руках мишени первой пары.

Тимур и Ветка резко потеряли интерес к результатам своей стрельбы и разошлись в разные концы подвала. Мишени у Аркадия взял я.

– Ну вы даёте, – сказала я, подходя к Тимуру и протягивая ему его мишень. – Все выстрелы только в девять и в десятку. Вы реально оба круто стреляете.

Полянский выхватил у меня свою мишень, скомкал её и бросил со злостью в угол.

Я посмотрел на него с сочувствием, поняв сделанную оплошность: причина его соперничества с Веткой стала для всех явной и соревноваться он Ветку теперь вряд ли заманит. Потребность с ней общаться осталась, а нового повода для общения он найти не мог. Я оказал ему медвежью услугу, раскрыв всем его интерес к ней.

– Что-то у вас детство затянулось, – сказал я ему. – Обзывать и соперничать надо было закончить ещё классе в пятом. По-взрослому с девушкой общаться не пробовал?

– Ещё чего? – огрызнулся Тимур. – Буду я за этой молью бегать. Возле меня знаешь какие крали крутятся, глазки строят.

– Пусть строят. Главное, – возразил я, – это не на глазки смотреть, а не ошибиться и выбрать себе такую, чтоб за целую жизнь не надоела. И тут не внешность главное. Я понять не могу, ты вообще сам решаешь, с кем тебе встречаться или важно, чтобы твой выбор все вокруг одобрили? – добавил я с нажимом.

– Никто за меня ничего не решает! – моментально взорвался Тимур.

Н-да, реакция типично подростковая, мысленно усмехнулся я, очень предсказуемо.

– Тогда чего ты заладил – моль, не моль. Если тебе нравится, то кому какое дело?! – продолжил я его подначивать. – Выбрал себе девушку по нраву и дальше уже ухаживай, добивайся, уламывай. Мне тебя учить что ли? И пусть кто попробует что-то против сказать!

– Да кто мне что скажет! Хотел бы я посмотреть на такого придурка, – с апломбом заявил Полянский.

Я с удовлетворением отметил, что ход мыслей его переключился в правильном направлении. Глядишь, и выгорит что-нибудь у него с Веткой. Главное, что с этого дурацкого подросткового стереотипа вроде соскочил, по крайней мере пока. А это уже полдела.

Как же меня угораздило в школьники попасть. Как давно это было. Я поймал себя на том, что, с одной стороны, чувствую себя частенько, как в детском саду, разбирая проблемы моих одноклассников, а с другой, такая ностальгия и непередаваемый кайф – оказаться в молодом теле, имея мои знания и опыт. Перспективы открываются ошеломляющие.

От чудесных воспоминаний и предвкушения грядущего покорения мира меня вновь отвлек Полянский.

– Но бегать за этой «звездой» все равно много чести, где она, а где я, – упрямылся Тимур.

– Дурак ты. – усмехнулся я, – и боишься просто, что не получится ее уговорить. Это же не одна из пустышек, что тебе глазки строят. Тут постараться придется.

Мысленно я отметил для себя, что «моль» в речи Полянского сменилась «звездой» – прогресс налицо.

– Да ничего я не боюсь, – нахмурился Тимур, – да она счастлива будет, что на нее такой парень внимание обратил.

– Ну-ну, – подлил я масла в огонь, – так пригласи ее куда-нибудь, раз такой смелый. Посмотрим, как она согласится.

– А вот и приглашу! – заявил Полянский с вызовом.

– Пригласи-пригласи! Посмотрим, согласится ли она пойти с тобой куда-то кроме стрельбища.

Сказав это, я пожал плечами и отошел в сторону. Все, можно считать, лед тронулся. Дальше уже дело наживное.

Полянский сначала ушел куда-то, но вскоре вернулся и снова подошел ко мне.

– А вы со Славкой с кем в палатке будете? – спросил он.

– Не знаю, – озадаченно ответил я. – Давай у Славки спросим.

Я подозвал к нам с Тимуром Славку. Палатки, оказывается, здесь были восьмиместные. Причём, девчонок и парней в зимних походах на ночь укладывали в одной палатке через одного под предлогом того, что парни мёрзнут гораздо меньше девчонок и, типа, дополнительно их согревают.

– Какая замечательная теория, – восхитился я местными порядками, потирая руки.

– Почему? – не понял меня Славка.

– Я-то думал, – пояснил я, – что будут палатки девчачьи и мальчуковые. А тут прямо праздник какой-то: смешанные палатки.

– Никакого праздника, – осадил мой пыл Полянский. – В каждой палатке будет кто-нибудь из старших.

– Разве с нами не один Аркадий пойдёт? – спросил я.

– Раньше физручка ходила, – ответил Славка, – а сейчас не знаю, кого с нами пошлют.

– Пионервожатую, – предположил Тимур.

– С ней самой надо взрослых посылать, – хмыкнул я.

– Это точно, – подтвердил мои впечатления от нашей пионервожатой Славка. Ей, реально, на вид было лет восемнадцать.

– А кстати, что, батя Герасимович с нами пойдёт? – вспомнил я про Светкины трудности с родителями.

– Не слышал, – ответил Полянский и тут же заорал на весь школьный бункер:

– Герасимович, ты в поход завтра идёшь?

– Нет, – откликнулась Светка, – меня не пускают.

– А если мы к твоим родокам сходим? – предложил я.

– Зачем? – удивилась она.

– Отпросим тебя у них, они увидят, какие мы честные и порядочные и сразу отпустят тебя, – предположил я.

Класс рассмеялся.

– Тогда без Полянского идите. – ответила Герасимович. – С ним точно не отпустят.

– Во, понял, какая у тебя репутация, – ткнул я локтем Тимура.

– Да без разницы. Мне что в лоб, что по лбу, пойдёт она или нет, – буркнул он.

– Кто пойдёт Светку у родителей отпрашивать? – крикнул я.

– Ты и пойдёшь, – заявила Светка. – С тобой ещё могут отпустить.

– Вот так новости, – удивился я под общий хохот. – Это почему со мной отпустят? Я, типа, такой весь из себя порядочный и вызывающий доверие?

– Нет. Ты, типа, такой весь из себя зубрила и тихоня, – передразнила меня Светка.

– Я правильно сейчас понял, – спросил я нарочито громко Славку с Тимуром, – она меня сейчас маменькиным сынком назвала?

– Назвала, – подтвердил Славка.

– И что ты будешь делать? – усмехнувшись, спросил Полянский.

– Очевидно, не пойду никуда, – изображая обиду, ответил я, – я к ней со всей душой, а она обзывается.

Я отвернулся от неё, как будто разговор был окончен. Начал болтать ни о чём со Славкой и Тимуром.

– Смотри, смотри, – шепнул мне Полянский, едва сдерживая смех.

Я медленно повернул голову и краем глаза увидел стоящую позади Герасимович, старательно делающую вид, что она случайно рядом с нами оказалась. Я подмигнул парням.

– Да, жалко Светка не пойдёт в поход. Кого же мы четвёртой к себе в палатку возьмём? – громко спросил я. И тут Светка не выдержала.

– Паш, Славик, – сладко запела она. – Ну, может, вы ходите к моим? Они к семи уже обычно дома бывают.

– Ну, не знаю, – быстро сориентировался Славка. – Нам ещё к Мишке Кузнецову в больницу. А потом мне макароны и хлеб в поход надо купить.

– Подожди, подожди, – остановил его я. – Что-то у нас тут не сходится. Мест в палатке восемь. Минус один взрослый, остаётся семь. Я, ты, Тимур – минус трое, остаётся четыре.

– Ну, всё нормально, – подтвердил Тимур.

– Что нормально? – я взял парней под локти и отвёл подальше от Светки. – У меня Юлька, если я её не возьму, она мне голову откусит как богомолиха. Это раз. У тебя, – обратился я к Славке, – Эмма. Это два. И у тебя, – обратился я к Тимуру, – Диана и Ветка. Это уже четыре. Светка лишняя.

– Не понял, – пробормотал Полянский. – У меня всё сходилось. Юлька, Ветка, Диана, Светка. Четыре.

– Умный какой, – возразил Славка. – Твоих три, а моих ни одной? Эмма с нами в палатке будет.

– Какая ещё Эмма? – озадаченно спросил Тимур.

– Моя! – сделал шаг навстречу Тимуру Славка.

– Только она ещё об этом не знает! – сказал я, думая разрядить обстановку, но тут же пожалел об этом, увидев злющее лицо Славки.

– Ладно, ладно, – быстро проговорил я, стараясь успокоить друга. – Короче, парни, берём всех. Уложим их штабелями друг на друга. Девочек слишком много не бывает!

Глава 3

19.02.71 г. Школа, подвальное убежище.

Парни заулыбались. Обстановка разрядилась.

К нам подошли Юлька, Ветка и Диана.

– Так во сколько, говоришь, – повернулся я к Светке Герасимович, – твои дома будут?

– В половину седьмого, в семь уже точно будут, – поспешно ответила она, подходя к нам.

– Ты знаешь, где она живёт? – спросил я Славку.

– Где-то за Большим мостом, – ответил он.

– Второй дом справа сразу за мостом, – подсказала Света.

– О, так ты Либкиндов соседка, – воскликнул я. Света неопределённо пожала плечами.

– Они же у нас на улице живут, – подсказал мне Славка.

– Дядька Эммы с семьёй живёт там, за мостом, – объяснил я. – Короче, неважно. Мы придём к этому времени.

Ты будь, пожалуйста, дома, – обратился я к Свете. – Подтвердишь, что мы твои одноклассники и ты хочешь идти с нами в поход. А то, представляете, пришли такие два парня: короче, батя, мы дочь твою завтра в поход ведём с ночёвкой. Ты не против? Где она?

Все рассмеялись.

– А что, девчонки, все завтра в поход идут? – спросил я, надеясь на чудо, что кто-то из них откажется. Палатка же не резиновая.

– Все, – ответила за всех довольная Юлька. – У меня мать уже пироги, наверное, поставила.

– О, пирожки. Поедим! – воскликнул Славка. – Это я люблю.

– И я люблю, – поспешил вставить я свой пяточок. – Ваши пирожки – это что-то с чем-то, – сказал я мечтательно.

– Тогда я колбасы шоколадной накручу сегодня, – пообещала Ветка.

– Ха. Раз пошла такая пьянка, – сказал Тимур, – тогда я ещё одно плодово-выгодное возьму.

Все сразу притихли. Я вспомнил, что плодово-ягодное вино так в народе называли. Также всплыли слова Мишки Кузнецова о том, что Полянский опять в поход алкоголя наберёт. Мне совсем не хотелось всю ночь в зимнем лесу нянчиться с упившимися, блюющими малолетками.

– Какая крепость у этой бормотухи? Больше десяти градусов? – спросил я Тимура.

– Больше пятнадцати, – гордо поправил он меня.

– Кто будет пить плодово-ягодное? – спросил я. Все промолчали в ответ.

– Это ваше плодово-ягодное такая гадость, – сказала, морщась, Света.

– Ну хорошо, – обрадовался я такому повороту. – А что ты будешь пить?

– Ну, пива бы немножко выпила, – честно ответила она.

– Сколько? – уточнил я. – Бутылку, две?

– Куда столько? Полбутылки хватит.

– Осторожничаешь, – подмигнул я ей. – Не доверяешь нам?

– Я ещё с ума не сошла вам доверять, – дерзко заявила она.

– И это правильно, – смеясь, ответил я ей. – Кто ещё что будет пить?

– Я тоже не хочу чернила пить. – сказал Славка. – Насчёт пивка, Светка, хорошая мысль.

– Я тоже буду пиво, – высказалась Диана.

– Тимур, возьми лучше, девчонкам бутылочку пива на двоих вместо ещё одной бормотухи.

– Я ничего не буду пить, – заявила вдруг Юлька.

– Даже пивка стаканчик? – удивился я.

Юлька молча поджала губы. Я взглянул на Ветку, она тоже смотрела на всех нас с осуждением.

– Ну, девчонки, так дело не пойдёт, – сказал я. – Вы же не будете всю жизнь трезвость блюсти. Всё равно рано или поздно выпить придётся. На Новый год, на свидании или просто снять усталость или стресс. К алкоголю, как к ядам, малыми дозами приучаться надо. А то с непривычки в самый неподходящий момент с одного бокала шампанского развезёт и опозоритесь.

– Я вообще никогда пить не буду, – окрысилась на меня Юлька.

– Тяжело тебе будет, – ответил ей я. – Но иногда это на пользу.

Полянский оживился.

– Вот! – воскликнул он. – Слушайте, что вам умный человек говорит.

Ничего себе, когда это я тут умным стал? Да ещё и по мнению Полянского. Но, не желая спорить с малолетками на щекотливую алкогольную тему, я перевёл разговор на экипировку.

– Народ, – обратился я громко к классу. – Есть у кого спальник лишний? А лучше два. Очень надо.

– Павел, подойди, – позвал меня Аркадий.

Он подвёл меня к старому огромному сундуку, стоявшему за стойками с мишенями.

– Бери, но верни в целостности и сохранности, – сказал он, открывая сундук.

В сундуке оказались стратегические запасы Аркадия. Брезентовые мешки с палатками, ещё что-то. Я растерянно рассматривал это «богатство», пытаюсь определить, что же из этого есть спальник.

Я приподнял верхнюю палатку в потрёпанном мешке, намереваясь заглянуть под неё, может там лежит то, что мне нужно.

– Этот не бери, он внутри уже не очень чистый, – сказал Аркадий.

Я не сразу понял его. Когда же до меня дошло, что то, что я держу в руках и есть спальник, то я, мягко говоря, растерялся. ЭТО весило килограмм восемь и размером было с двухместную палатку. Блин, я и забыл, как все это было неразвито в старину.

– Слав! – позвал я, призывая друга на помощь. – Помоги выбрать спальник Эмке и мне.

Славка по-хозяйски начал вытаскивать мешки из сундука. Выбрав самый новый на вид, он развязал его и вытащил на свет ватный спальник в брезентовом чехле. Он был полосатый бело-красный, выглядел как тонкий матрас. Славка осмотрел его и внутри, и снаружи, убедился, что спальник везде чистый, проверил все пуговицы и завязки, свернул его и упаковал обратно в мешок.

– Отличный спальник, – радостно сказал он, не выпуская его из рук, – Эмме подойдет.

– А мне какой взять? – ошарашенно спросил я, представляя, как буду это ватное безобразие тащить на спине пятнадцать километров. Да еще на лыжах.

Славка выудил из недр сундука ещё один мешок вполне приличного вида и вытащил из него такой же спальник. Он также тщательно проверил его, свернул, засунул обратно в мешок и вручил мне.

Я взвесил спальник в руке.

– Мать моя женщина. Сколько же он весит? – простонал я. – И какой для него нужен рюкзак?

– Обычный абалак, – подсказал Аркадий, – под клапан притянешь и нормально будет.

– У тебя есть абалак? – спросил я Славку.

– Есть, конечно.

– А у меня? – спросил я растерянно.

– Кончай дурака валять, – одёрнул меня Славка, покосившись на Аркадия. – В майский поход ты с чем ходил?

- Значит, есть, – сделал вывод я. – А у Эммы?
- Вот про Эмму не скажу, – занервничал Славка. – Не знаю. Аркадий Наумович, может, у вас есть рюкзак какой-нибудь?
- Не какой-нибудь, – ответил Аркадий, гордо доставая с другого конца своего бездонного сундука крепенький брезентовый рюкзак и передавая его Славке.
- О, спасибо, – воскликнул он, счастливо прижимая рюкзак к груди одной рукой и держа чудовищный ватный спальник в другой руке.
- Я мысленно усмехнулся: как мало надо человеку для счастья.
- Прозвенел звонок, и мы со своими трофеями потащились на географию.
- Слушай, а что, Юлька с Веткой реально совсем не пьют? – спросил я Славку, когда мы поднимались по лестнице на второй этаж.
- Да всё они пьют, – ответил, усмехнувшись, Славка. – Только опасаются, что мы набухаемся и куролесить начнём.
- А что, были прецеденты?
- Что было? – не понял меня Славка.
- Ну, случались эксцессы на почве алкоголя?
- Ты хотел спросить, нажирались ли мы раньше? – ехидно глядя на меня, спросил Славка. – Конечно нажирались. Будь проще, а то что-то ты разумничался не на шутку.
- Проще... Девчонки, вон, нам пироги готовят, сладости, а мы им что? – недовольно пробубнил я. – Чем мы будем девчонок угощать?
- А давай водку вареньем разбавим, – предложил Славка.
- Ты серьёзно сейчас? – опешил я от такого предложения.
- А что? Классная вещь, всё лучше бормотухи.
- Нет. Давай или пива купим, как Света сказала. Или вина нормального столового полусладкого. Сколько вино стоит? У меня трояк где-то был. Хватит?
- Понятия не имею. Я такое не пью, – буркнул Славка.
- Давай после школы в магазин зайдём, посмотрим.
- После школы мы к Мишке в больницу идём, – возразил Славка. – А потом мы с тобой к Светке обещали зайти. Да и кто нам вино продаст, сам подумай.
- А, ну да, точно. Не продадут. Короче, я тогда с вами в больницу, а потом к Светке, – предложил я.
- Давай, – согласился Славка. – Только сначала занесём к вам спальники и рюкзак.
- Ну, давай занесём, – согласился я.
- Мы кое-как отсидели географию, ерзая, как будто у нас шило было в одном месте. Все мысли были за пределами школы. Еле дождались звонка с урока.
- Мы подхватили спальники и прочее барахло и поспешили в раздевалку. Договорились с Лёхой и Тимуром встретиться через час у булочной, чтобы вместе идти в больницу.
- По дороге домой я лихорадочно вспоминал, что ещё надо взять с собой в поход. В прошлом я не особо баловался походами, особенно зимними. Но позже в армейке все необходимые для туриста навыки освоил. Так что некоторое представление о том, что может понадобиться, имел.
- Фонарик, кружку, миску, ложку, флягу, – перечислял я вслух. – Что ещё?
- Спички, нож, – добавил Славка. – Варезки, самое главное. А то, без пальцев из похода придёшь, столько часов палки держать надо будет.
- Какие палки?
- Лыжные.
- Ой, блин. Мы же на лыжах идём, – дошло до меня. – А лыжи с палками тоже Аркадий даст?
- Конечно. Видел, сколько их в подвале?

– Там крепления какие, на ботинки? – озадачился я.

– На валенки. Не ссы, подберём мы тебе лыжи, – успокоил меня Славка. – А ты, вообще, катаешься на лыжах? – вдруг спросил он.

– А я что, на физру зимой не ходил? – удивился я.

– Нет. Ты же того, больной. Пневмония.

– Понятно. Наоборот, закаляться надо было, – проворчал я. – Как же меня Аркадий взять согласился? Такого больного.

– Может, он не знает, что ты на лыжах не катаешься? – предположил Славка. – Может, тебе того, не идти завтра?

– Не ссы, доеду. – успокоил я друга, усмехнувшись про себя.

На самом деле, я неплохо бегал на лыжах когда-то. В армии даже в соревнованиях каких-то офицерских участвовал. Меня как лейтенанта под чужой фамилией выставили от нашей части. Я первое место занял. Но там лыжи были беговые, ботинки соответствующие, крепления под коньковый ход. А тут... Крепления под валенки...

Ну, будем надеяться, мастерство не пропёшь, классическим стилем по лыжне по любому проеду.

– А одеваться как? – спросил я Славку. – Бушлат брать с собой?

– Нет, какой бушлат? Лёгкую куртку какую-нибудь возьми. И пару свитеров, один с высоким горлом вместо шарфа. Двое штанов, одни снимешь в спальник. Носков тёплых двое, одни на смену.

– Понял. Короче, весь вечер буду собираться.

Мы подошли к моему дому и завалились со спальниками, с портфелями, с котелками в хату.

Нас встретила на кухне бабушка. Матери дома не было. Эмма с детьми оккупировала мой диван.

Увидев спальники, рюкзак и котелки, Эмма поднялась с дивана и с Аришкой на руках вышла к нам.

– Эмма, это мой одноклассник и друг Вячеслав. Слава, это Эмма, – представил я их друг другу.

– Вообще-то, я Станислав, – важно поправил меня Славка. – Паша сказал, что ты хочешь идти завтра с нами в поход. Я вот принёс тебе спальник и рюкзак.

– Что ты их знакомишь? – спросила бабушка, внимательно наблюдавшая за нами. – Они всю жизнь на одной улице живут.

– Правда? – ступешался сначала я, но быстро сообразил: – А что же они тогда смотрят друг на друга, как будто первый раз встретились?

– Не знаю, – буркнула бабуля. – Мойте руки, садитесь за стол.

Мы со Славкой не заставили себя долго ждать и вскоре, сидя за столом, уплетали за обе щеки горячий наваристый борщ.

– А мама где? – спросил я с набитым ртом.

– По магазинам пошла, – ответила бабушка. – А Эмме разрешат с вашим классом в поход идти?

– Разрешили уже, – прочавкал Славка. – Мы договорились.

Эмма, сидевшая за столом напротив, заёрзала. Я сначала не понял, почему, а потом догадался: ей неудобно оставлять мелкого брата на моих девчонок, у них и так Аришка на руках.

– Ба, вы же с мамой отпустите Эмму, да? – чувствуя себя виноватым, спросил я. – Мы не подумали, что с малым сидеть кому-то надо будет.

Славка тоже об этом, похоже, не задумывался и сейчас испуганно перестал жевать, зависнув с полным ртом над своей тарелкой.

– Угу, в школу мы не ходим, потому что с братом сидим, – строго сказала бабушка, глядя на Эмму, втянувшую голову в плечи. – А в поход мы собрались? Вот и берите малого с собой.

Воображение сразу заработало, и я представил, как кому-то придётся тащить в рюкзаке ребёнка и при этом ехать на лыжах. Видимо, у нас был такой ошарашенный вид, что бабуля хмыкнула.

– Шучу я. Посидим мы с Колей, – сказала она.

– Спасибо, – выдохнул я.

Мы успокоились и продолжили обедать.

– Эмма, – вспомнил Славка. – Аркадий говорил, что ты в походы много раньше ходила.

Помнишь, что с собой брать надо?

Эмма кивнула.

– Надо будет до завтра до обеда всё подготовить, – инструктировал он её.

Бабушка поставила на стол корзинку со свежими плюшками. Я налил чаю себе и Славке. Эмма отказалась. Плюшки были восхитительны, ещё тёплые. Домашняя выпечка – это что-то.

– Ба, мы сейчас в больницу идём к Мишке Кузнецову. Можно пару плюшек ему взять? – спросил я.

– Бери, – разрешила она.

– А во что их? – замялся я. – Как их нести?

– На, заверни, – подала она мне газету.

Я, преодолевая культурный шок, молча начал заворачивать плюшки в газету, успокаивая себя тем, что с внутренней стороны её лапали только свои. Хотя, блин, краска же все равно вещь вредная для здоровья. Ну, а что я хотел? Пакетов же ещё нет. Я встал и подошёл к двери в гостиную, на ручке которой висели несколько разнокалиберных сеток и авосек.

Я снял их и выбирал какую-нибудь сетку поменьше для двух плюшек, завернутых в газету. В этот момент из сеней послышался какой-то шум. Открылась входная дверь и в хату влетела, не разуваясь, мама. Она плюхнула на пол три полные сетки с разными свёртками.

– Там яйца, – крикнула она, стремительным движением вырвала у меня из рук авоськи и выбежала из дома.

– Поля! – закричала ей вдогонку испуганная бабуля. Но той уже и след простыл.

Я метнулся за ней на улицу как был, в коротких домашних валенках и школьном костюме. Пока я смотрел, в какую сторону побежала мать, она уже была на перекрёстке с улицей Ленина. То ли я совсем дохляк, то ли мама слишком прыткая, но догнал я её только на Площади.

– Ты куда? Что случилось? – спросил я, запыхавшись, когда поравнялся с ней.

Дыхание у меня совсем сбилось, а мама так вообще не могла говорить. Вместо ответа она только на ходу махнула рукой вперёд.

Мы пробежали с ней квартала два в сторону вокзала. Вдруг она упала на колени перед ничем не примечательным сугробом и начала руками разгребать снег.

Она вытащила из сугроба цветастую авоську с увесистым свёртком. Я отодвинул её и хотел поднять авоську, но оказалось, что каждая её ручка оторвалась с одной стороны.

– Я хотела его подмышкой донести, – сказала мать, чуть отдышавшись, – но поняла, что три сумки в одной руке не дотащу.

Я поднял сумку со свёртком, взял его в охапку и понёс домой. Немудрено, что ручки оторвались: свёрток весил килограмм семь. Мать успокоилась и шла рядом.

– А к чему такая спешка? – поинтересовался я. – Что там?

– Рыба, – ответила она, довольно улыбаясь. – Ледяная. Беспokoилась очень, чтобы собаки не учуяли.

– О, ледяная! Это вещь! – обрадовался я. В моё время она стояла дороже форели, так ещё и была не везде и не всегда. Поедим, как Славка говорит. – Сколько она сейчас стоит?

– Сколько и всегда: шестьдесят копеек, – ответила мама.

– Шестьдесят копеек килограмм? А здесь сколько? – встряхнул я свёрток.

– Семь с половиной килограммов, – гордо ответила мама.

– И стоит меньше пяти рублей? Класс! – восхитился я. – Надо было больше взять.

– Куда же больше? Хранить-то где? Зимой, конечно, можно набрать побольше. А так, весна же скоро, не успеем съесть, испортится рыба.

– Эх, холодильник нужен, – пробормотал я.

– Другие брали по полтора-два килограмма, – продолжала рассказывать мама, – ну, три максимум. Я и так взяла самый здоровенный кусок, который смёрзся, его не стали размораживать, так, целиком мне взвесили. А что, нас сейчас много, съедим же?

– Конечно, съедим! О чём речь, – заверил я её.

Мне передалось её воодушевление, мы гордо прошли через площадь со своей добычей и дошли до перекрёстка с нашей улицей.

Вдоль улицы рыскал взбудораженный Славка. Увидев нас, он кинулся в нашу сторону.

– Что случилось? Где вы были? – набросился он на нас.

– Ты не поверишь! – смеясь, ответил я. – Мама не смогла дотащить до дома все покупки и закопала рыбу в сугробе.

– Ааа, – протянул Славка, глядя на нас как на сумасшедших. – А к чему была такая спешка?

– Так найти же мог кто-нибудь! – воскликнула мать. – Собаки могли учуять.

– А, ну тогда конечно, – согласился Славка. – И далеко закопала?

– На Ленина за кинотеатр ещё квартала два, – объяснил я.

Мы вошли в сени, разделись и вошли в дом.

– Это вы во втором гастрономе, что ли, были? – спросил Славка, заходя следом. – А что за рыба?

– Ледяная, – гордо протянула мама, разворачивая на столе свой драгоценный свёрток.

– Паш, давай собирайся, нам уже идти надо, – засуетился Славка. – Я к своим сейчас сбегая, скажу, что там рыбу дают. Тётъ Поль, там ещё много было?

– Я не знаю, подносили коробки из подсобки, а сколько их там... – мама развела руками.

Девчонки занялись рыбой. Славка убежал домой. А я огляделся в поисках газетного свёртка с плюшками для Мишки. Вскоре нашёл его, выбрал матерчатую чёрную сумку из тех, что мать повесила обратно на ручку двери гостиной, и пошёл одеваться.

Когда я вышел на улицу, Славка уже бежал мне навстречу. Молодец, хозяйственный, беспокоится о своей семье – не поленился сбегать, сообщить о то, что рыба в продаже появилась. Как-то и я уже начинаю снова осваиваться в этой эпохе. Ничего страшного – научусь снова и в очередях стоять, и добывать все, что для семьи нужно.

Глава 4

19.02.71 г. У дома Домрацких-Ивлевых.

– Ну, что, сказал своим? – спросил я, когда Славка поравнялся со мной.

– Сказал, бабка собирается, может успеет ещё.

Мы пошли в сторону булочной. Ещё издали заметили Полянского, он стоял на самом углу. Пока мы дошли, из булочной вышел Лёха с бумажным кулём.

– Здорово! – протянул нам руку Тимур. Мы поздоровались с парнями, и все вместе направились в сторону больницы.

– Чего у тебя там? – спросил я Мужижкого, кивая на кулёк.

– Да вафли Мишке взял, – ответил Лёха. – Не с пустыми же руками идти.

– Правильно. Я тоже у своих пару домашних плюшек выпросил.

Славка вдруг вытащил пачку «Примы» и неумело закурил. Видно было, что процесс у него совсем не отработан – чуть спичку не сломал об коробок.

– Ты чего это вдруг? – опешил я, – уже много пожил, на тот свет спешишь?

– С чего это вдруг! – обиделся друг, – у нас куча знакомых курит. Теперь хоть есть о чем поговорить!

– О кашле и желтых зубах, что ли? – спросил я, – ты же классно бегаешь, лучше меня, а начнешь курить – пиши пропало!

– Чего ты так дергаешься? – удивился Славка, – сам же недавно с папироской в зубах бегал, пытался Дианке понравиться!

– Что-то не похоже, чтобы получилось! – весело заржал Тимур.

Да уж, Пашкино прошлое как какой-то ребус – тайна за тайной. Не хотелось мне, чтобы Славка курил, но я уже понял, что подход с наездами не работает. Больно у него характер независимый и обидчивый, только разве что поссоримся. Надо будет что-то другое придумать, чтобы на него повлиять – на что мне прожитые годы, если не сумею?

Мы шли, болтая о завтрашнем походе, точнее, о том, что брать с собой. Настроение у нас было приподнятое, мы предвкушали приятное времяпровождение.

В больнице я взял на себя роль старшего, велел всем на входе тщательно вытереть ноги и повел всю компанию сразу в хирургию.

Дверь в нужную нам палату была приоткрыта. Я заглянул туда прежде, чем запустить нашу гопкомпанию. Мишка лежал, отвернувшись к стенке. Я сделал нашим знак рукой, чтобы оставались в коридоре, а сам прошёл в палату, подошёл к Мишке и осторожно тронул его за плечо. Мишка не спал и резко повернулся. Увидев меня, он сел.

– Привет, – протянул я ему руку. – Что ты такой дёрганый? Случилось что?

В палату заглянул Полянский. Увидев его, Мишка поднялся, и мы с ним вышли в коридор.

– Пойдёмте отсюда, что стоять на проходе, – предложил Мишка.

Мы оккупировали один из подоконников в холле. Парни разглядывали Мишку с нескрываемым интересом. Выглядел он уже чуть получше, синяк вокруг глаз и носа начал желтеть. Отёк губы спал, но шов, всё равно, смотрелся жутковато: замазанный зелёнкой с торчащими концами ниток.

– Так что случилось? – переспросил я Мишку.

– Участковый приходил.

– Чего хотел? – спросил Полянский.

– Он мне не докладывал, но, похоже, хочет дядьку обратно отправить.

– Туда ему и дорога, – заявил Тимур.

– Не всё так просто, – возразил Мишка. – Ты, Пашка, прав был, я с матерью говорил, – обратился он ко мне.

– В этой жизни всё не просто, – пробормотал я, вытаскивая из сетки газетный свёрток с плюшками и протягивая ему. – Что в итоге?

– Не знаю, – развёл руками Мишка.

– Ты что-нибудь подписывал? – спросил Славка. – Хотя, он с твоей матери мог заявление взять.

– Ничего я не подписывал, – ответил ему Мишка.

– Я точно не знаю, – сказал я, – но, кажется, милиция может возбуждать дело и без заявлений от потерпевших, если преступление совершено против несовершеннолетнего.

Мы молча стояли у подоконника, переваривая информацию, как вдруг Полянский заявил:

– Да что вы так переживаете? Ну посадят его ещё раз. Кому хуже станет?

– Да пошёл ты, – огрызнулся Мишка.

Тимур набычился.

– Ты не понимаешь, – начал объяснять я ему. – Он первый раз сел, потому что защищал сестру с детьми от её ненормального мужа, они бы там все легли. Сейчас вышел, опять на него всех собак.

– Так и есть, – подтвердил Мишка. – Он бы мне харю не начистил, если б я к нему не полез за отца предъявлять. Я ж не знал!..

Мишка выглядел очень расстроенным.

– Ничего себе расклад, – пробормотал Тимур. – И что делать?

– Может, так и надо было участковому сказать? – предложил Лёха.

– Я тогда ещё не знал, – чуть не простонал Мишка.

– Ладно, не раскисай, – строго сказал я ему. – Я схожу сегодня к соседу, спрошу, как тут быть. А ты выздоравливай.

Мы потоптались ещё немного у окна. Тут из приёмного вышла Марина Карпова. Я кивнул ей головой, здороваясь. Она позвала меня, махнув рукой. Я оставил своих и пошёл к ней.

– Добрый день, – поздоровался я.

– Привет. Ты вроде говорил, что на базе работаешь?

– Да.

– Про Цушко слышал?

– Что с инфарктом вчера с базы увезли? Конечно, слышал.

– Что он умер два часа назад, слышал?

– @твоюмать! – вырвалось у меня. – Простите, пожалуйста, мой французский. Не выкарабкался, значит... Вот так так... – бормотал я, лихорадочно соображая, что же теперь будет. – Спасибо, что сказали.

Она кивнула головой и направилась дальше по коридору по своим делам.

Я вернулся к своим.

– Что случилось? – спросил Славка, заметив мою озабоченность.

– Завбазой, у которого я подрабатывал, умер от инфаркта. Мне, наверное, нужно будет сегодня туда заглянуть.

– Нам ещё Светку сегодня отпрашивать, – напомнил Славка.

– Это после шести. Успеем, – ответил я.

– Какую Светку? Зачем? – заинтересовался Мишка.

– Герасимович. Завтра же поход, а её родители с ночевкой не пускают, – объяснил Славка.

– Точно, вы же в поход идёте, – с завистью в голосе пробормотал Мишка.

– Ничего, не расстраивайся, ещё сходишь, – шлёпнул я его по плечу. – Выздоровливай быстрее.

Мы начали прощаться.

– Ой, вафли же, – вспомнил Лёха про свой кулёк, который всё это время лежал на подоконнике.

Мишка взял вафли в одну руку, мой свёрток в другую и пошёл к себе в палату.

Мы вышли на улицу.

– Такое хорошее настроение было, когда сюда шли, – сказал Лёха.

– И какое хреновое сейчас, – подхватил я его мысль. – Ничего, прорвёмся, где наша не пропадала.

Мы дошли до перекрёстка с Первомайской улицей. Лёха и Тимур пошли дальше, а мы со Славкой повернули в сторону базы.

Минут через десять мы уже были на месте.

Я вошёл внутрь, Славка за мной. Я ожидал увидеть второго сторожа, но за столом дежурного оказался Вася-негр.

– О, здорово, – воскликнул я, протягивая ему руку. – Ты чего здесь? Сегодня же не твоя смена.

– Привет, – обрадовался мне Вася. – Да поменялись.

Я представил Васю и Славку друг другу.

– У меня новости из больницы. Никифоровна где?

– Анна Никифоровна! – громко заорал Вася.

– Оу! – отозвалась она из дальнего угла.

– Пошли к ней, – позвал я и пошёл на голос Никифоровны.

Вскоре она сама вышла из-за стеллажей и пошла нам навстречу.

– Паша? Ты работать пришёл? – спросила она озадаченно.

– Добрый день, Анна Никифоровна. Мы с другом только из больницы, одноклассника навещали. Цушко умер два часа назад.

– Не может быть! – воскликнул Вася.

– Как умер? – прошептала, бледнея, Никифоровна и тяжело села на ближайший стеллаж.

– Ну, вот так, – ответил я, понимая её состояние.

С одной стороны, Цушко, конечно, был тот ещё жулик, но доводить его до смерти никто не хотел.

А Никифоровна? Взрослая же баба! Сидит сейчас в шоке. Что она, не понимала, когда донос писала, что для Цушко любая проверка может этим закончиться?

Никифоровна хватала ртом воздух, на глазах её заблестели слёзы.

Мне стало жаль её. Если бы у Цушко инфаркт случился не сейчас, а после того, как у него нашли подброшенные нами наган и патроны, то я точно так же сидел бы и глотал ртом воздух. Было бы тяжело жить с таким.

– Анна Никифоровна, это не ваша вина, – попробовал я успокоить её. – Он знал, на что шёл. Это его выбор.

Она подняла на меня глаза.

– Что же теперь будет? – спросила она растерянно.

– Жизнь продолжается. – ответил я. – Будет у вас другой начальник. А может, вас повысят. Вы же были его замом?

– Былааа, – чуть не рыдая в голос ответила Никифоровна.

– Вот и наладите здесь всё по-своему. По-честному.

Никифоровна горько разрыдалась.

Я решил воспользоваться ситуацией. Цушко уже не поможешь, а Ванькину и мою совесть ещё можно спасти.

– Нам только не хватало ещё одного инфаркта. Вась, дай, пожалуйста, кружку и ключ от кабинета Цушко, – попросил я.

Мы вернулись к столу дежурного, Вася, догадавшись о моих намерениях, выдал мне ключ и взял несколько фаянсовых чашек из шкафа рядом.

Я пошёл к кабинету, а Вася поспешил к Никифоровне.

Открыв кабинет завбазой, я, первым делом, подошёл к столу, пошарил рукой под столешницей, нащупал приклеенный пакет с патронами, оторвал их и спрятал во внутреннем кармане бушлата вместе с пакетом.

Потом я открыл бар Цушко, вытащил из-за бутылок наган и сунул в пакет к патронам.

Всё, теперь можно выдохнуть и спокойно осмотреться.

Я вспомнил про мышей и документы и полез в шкаф с папками. Заглянув, я тихо присвистнул. Прав был дед Арист, подсказав нам возложить дело уничтожения документов на местных грызунов. Все папки были изъедены мышами, вокруг валялись кучками мелкие огрызки бумажек, остатки веревочек, которыми были завязаны верхние папки. Все документы, которые лежали сверху стопки, восстановлению не подлежали. Я вообще не уверен, удастся ли восстановить хоть один документ из самой верхней папки. Довольно улыбаясь, я прикрыл дверцу шкафа. Еще одной головной болью меньше. Вероника теперь точно в безопасности.

Дальше, уже не спеша, я выбрал стоящую с края початую бутылку армянского коньяка, сунул в карман бушлата, подумав, взял ещё и ее соседку, взял коробку с зефиром, пакет с печеньками с подоконника и поспешил к Никифоровне.

Вася уже расставил чашки на стеллаже.

Я подал ему бутылку, вторую тоже выставил на стол – вдруг пригодится, дело-то серьезное, вон как женщина переживает! Вася плеснул в чашки коньяка и раздал нам со Славкой. Я открыл коробку с зефиром, одну зефирку сунул в руку Никифоровне, во вторую руку Вася ей вложил чашку с коньяком. Блин, я не планировал пить, и тем более Славку не привел бы, если бы знал, что нальют, но выхода не было – за помин души, по сути, выпить предлагают. А что не очень хорошей – так после смерти или ничего, или хорошо. И ведь Славке ничего и не скажешь, чтобы меру знал – обидится на меня! Кто я ему – такой же пацан, как он сам, а тут взрослые наливают и предлагают. Нет, друга терять нельзя такими придирками.

– Давайте, Анна Никифоровна, не чокаясь, – сказал я.

Она послушно глотнула коньяка и, пожевывая зефирку вприкуску со слезами, покачивалась из стороны в сторону.

– Эж её пробрало, – тихо сказал я Васе. – Она же терпеть его не могла.

– Ну, вот так бывает, – пожал он плечами. – Я слышал, что они больше пятнадцати лет вместе проработали.

Мы молча тянули по глоточку хороший коньяк, грызли печенье.

Вася подлил Никифоровне коньяка в чашку.

Она залпом выпила, её немного отпустило. Она, всхлипывая, сидела, глядя в чашку. Потом подставила Васе пустую чашку, с вызовом глядя на него.

Вася растерянно взглянул на меня. Я махнул рукой, типа, сегодня всё можно.

Никифоровна сделала ещё несколько глотков, у неё начал заплетаться язык.

Она вспоминала, как Цушко женился во второй раз на «этой стерве». Припомнила ей некий скандал, после которого покойный пустился на работе во все тяжкие и, рискуя всем, старался улаживать любой каприз «этой ненасытной твари».

Я жестом отозвал Васю в сторону.

– Что будем с ней делать? – спросил я его. – Домой одну отпускать её в таком состоянии нельзя, уснёт ещё по дороге, на морозе или свалится куда. Тут есть, где её на ночь положить?

– У нас в закутке можно. Если она согласится.

– Блин, может мне её домой отвести? – спросил я. – Она нужна будет сегодня?

– Даже если и нужна, то не в таком состоянии, – хмыкнул Вася.

Никифоровну развезло конкретно. Она то рыдала, то грозилась оттаскать за волосы эту «прошмандовку».

Я подошёл и присел перед ней на корточки.

– Анна Никифоровна, пойдём домой?

– Пашка, я его зам, – заявила она заплетающимся языком. – Я тут за всё отвечаю. Я теперь здесь жить буду.

– Понятно, – я встал и взглянул сочувственно на Васю. – Боюсь, теперь это твоя проблема. Я попробую бабку свою сюда прислать, они дружат. Может, она тебя спасёт.

– Хорошо бы, – пробурчал Вася.

– Слушай, мы в поход завтра с классом идём. Не знаем, чем девчонок угощать. Я, когда коньяк брал в баре у Цушко, заметил бутылки вина какого-то. Можно я возьму парочку?

– Да бери что хочешь. Чего уж там, – разрешил Вася.

– Спасибо.

Я похлопал его по плечу и пошёл к кабинету Цушко. Не сказать, что ноги у меня заплетались, но покачивался из стороны в сторону я заметно. Видно, Пашка к алкоголю совсем еще непривычный, да и откуда ему. К тому же коньяк – напиток крепкий, это тебе не пиво.

Кое-как добравшись до бара, я открыл его. Тут у Цушко стояло довольно много разных бутылок. Я перебирал их, с интересом читая этикетки. Такие знакомые и, в то же время, такие давно забытые названия: «Мускатель», «Алиготе», «Кокур», «Тамянка», «Мускат белый красного камня». Заметил и бутылку советского виски, что попала на глаза еще в прошлый раз. Как интересно. Похоже, Цушко собирал коллекцию алкогольных напитков, да и сам был ценителем, все же отдавая предпочтение винам. Почти треть бутылок были початыми.

– Прости, Адамыч. – сказал я, доставая из кармана бушлата сетку.

Зря я что ли попал в прошлое? Надо хоть попробовать, решил я и отложил себе полупустую бутылку виски. Передвигая бутылки по бару, я нашёл не начатую бутылку «Столовое белое Чиченингушвино». Это что ещё такое? Надо попробовать. В сетку. Также взял не начатую бутылку белого муската массандровского. Из самого дальнего угла я вытащил бутылку Черного доктора. О, вот, это находка. Массандра. В сетку.

По поводу предстоящего похода я иллюзий не имел – ходил сам, когда в школе учился. Без алкоголя в старших классах такие вылазки не обходились. Причем взрослым было глубоко плевать, что дети пьют. Тут будет точно также, и не мне что-то менять, возрастом еще не вышел. Все, что я могу сделать – проследить, чтобы пили поменьше и качественное, чтобы полегче потом было.

Коньяки, портвейны и вермуты я не брал, надо и Васе что-то оставить. К тому же я у него только пару бутылок вина попросил. Не буду наглеть. И так две бутылки незаметно в четыре превратились.

За бутылками в самом дальнем углу бара обнаружил небольшую жестянку. И не заметил бы, если бы случайно не зацепил рукой. Вытащил, открыл, в жестянке оказались деньги. Купюры были разного номинала – от рублевых до двадцатипятирублевых, в общей сложности чуть больше ста рублей. Это, явно, не подотчётные деньги. Видимо Цушко держал небольшую нычку на непредвиденные расходы.

Подумав, я вынул деньги из коробки и положил в карман. Жестянку вернул на место. Решил, что отдам деньги Ивану, пусть Веронике передаст или купит ей что-нибудь. Будет девчонке хоть какая-то компенсация за перенесенный стресс и сгоревшие нервные клетки.

Оглядев напоследок бар, я закрыл его, вышел из кабинета и запер на ключ дверь. Поставил сетку с бутылками на стеллаж и пошёл за Славкой.

Меня не было всего минут пятнадцать, а обе бутылки уже опустели. Славка с Васей вообще закемарили, опираясь на стену. Нифига себе ударные темпы! Под зефир и печеньки так точно делать не стоит!

– Эх, что за молодёжь пошла, – пробормотала Никифоровна, показывая размашистым жестом на Славку с Васей. – Ни выпить, ни закусить. Уже готовые.

– Ничего себе, – удивился я. Бабуля неожиданно пришла в себя, а пацаны в дрова, – Анна Никифоровна, что теперь делать? Вы домой пойдёте?

– Нет, куда же я пойду? – заплетающимся языком ответила она. – Васька, вон, разве сможет сегодня дежурить?

Как быстро всё встало с ног на голову.

– Да уж, – сказал я, глядя на сопящего Васю. – Я тогда Славку забираю. Заприте за нами двери.

Я начал тормошить Славку, он быстро встал, но стоял нетвёрдо, пошатываясь. Пусть Никифоровна и Вася спать ложатся, лишь бы дверь изнутри заперли. Бабушке не буду пока ничего говорить.

Я взял со стеллажа свою авоську со спиртным, вывел Славку на улицу, дождался, пока Никифоровна заперла засов за нами и повёл Славку домой. Он на улице более-менее очухался, шёл во всяком случае ровно. И даже вспомнил, что нам сегодня ещё надо Светку у предков отпрашивать.

– Славка, ты не обижайся, но тебе сегодня к Светке идти нельзя. Давай, я один схожу. – предложил я.

– Чего это? – возмутился он. – Я что, по-твоему, не в состоянии?

– В состоянии, в состоянии, – вслух согласился я, а про себя добавил: в состоянии нестояния.

Может, пока дойдём, выветрится. Но надежды на это мало. Ладно, будем действовать по обстановке.

Когда мы проходили мимо большого дома, нас напугал Винтик. Он поднялся и опершись передними лапами о забор, громко брехнул на нас.

– Винтик! ФУ! – громко крикнул на него я, от неожиданности, на автопилоте, дав ему по морде рукой в варежке. – Нельзя!

Пёс по-своему что-то громко проворчал, как старый дед. Несколько раз перебежал вдоль забора за нами. Мы шли, не обращая на него внимания.

Нам надо было к Светке. С Первомайской свернули на Огарёва и вышли на Ленина. Я специально пошёл таким маршрутом, чтобы пройти подальше от нашей улицы. В этом чёртовом городишке, если встретим кого-то из соседей в нашем состоянии, сдадут нас предкам моментально.

И посуда в сетке предательски позвякивала на каждом шагу.

Мы без приключений дошли до Большого моста.

– Что там Светка говорила, в каком доме она живёт? – спросил я Славку.

– Во втором справа, – ответил он.

Мы подошли к нужному дому. Славка решительно открыл калитку, но я остановил его.

– Подожди. Нельзя идти отпрашивать Светку с полной сумкой бутылок, – сказал я. – Надо оставить её где – то.

– Где? – развёл руками Славка. – Давай пока на забор повесим, на обратном пути заберём.

– Не, вдруг заметит кто и стырит. Без вина в походе останемся. Давай тоже в снег закопаем. Надёжно как в банке.

Я осмотрелся. От проезжей части заезд к калитке и воротам был чисто вычищен, вокруг отвалы были выше пояса. Если тронуть их, снег посыпется на заезд и сразу будет видно, что кто-то там копался.

Зато рядом, вдоль проезжей части, снега было много, он был рыхлый и я быстро закопал там свою сетку, совершенно не обратив внимания на едва заметную колею, засыпанную снегом.

Мы вошли во двор, прошли к дому и Славка по-хозяйски кулаком затарабанил в дверь. Не дождавшись ответа, он открыл дверь и прошёл в сени. Я только успел сказать ему, что говорить буду я, как дверь в хату приоткрылась и выглянула Светка. Славка отодвинул её и зашёл в дом.

– Добрый вечер, – громко сказал Славка и встал по стойке смирно у входа, пропуская меня вперёд.

– Добрый вечер, – также поздоровался я, входя и тут же оказался перед здоровенным мужиком в старых брюках и рубахе. Он ошалело смотрел на нас.

– Пап, это мои одноклассники, – поспешила представить нас Светка.

– Павел Ивлев, – протянул я руку Светкиному бате.

– Валентин Васильевич, – представился он.

– Это мой друг Станислав, – повернулся я к Славке, стоящему в дверях, поправил ему съехавшие немного очки и продолжил. – Уважаемый Валентин Васильевич. Мы хотели бы просить вас отпустить вашу дочь Светлану завтра в двухдневный поход с классом для сдачи нормативов ГТО. Хочу заверить Вас в наших серьёзных намерениях и абсолютной безопасности вышеуказанного мероприятия.

Батя молча переводил взгляд с меня на Славку и назад.

Я взглянул на Светку, она зажимала рот рукой.

Пауза затянулась.

– Так, что, Валентин Васильевич? – с надеждой в голосе спросил я. – Да или нет?

– Мне надо подумать, – ответил он.

– Конечно, подумайте, – согласился я. – Только поход уже завтра.

– Я вас понял, молодые люди, – ответил батя как бы намекая, что нам пора сваливать.

– Ну хорошо. Очень рад знакомству, – протянул я ему руку. – Светлана, до завтра, – кивнул я ей.

– До завтра, – ответила она.

Я развернул Славку и вытолкнул его в сени.

Глава 5

19.02.71 г. У дома Герасимовичей.

– Ну, как я выступил? – спросил я его, когда мы вышли во двор.

– Очень сильно. Молодец, – заверил меня друг.

Только мы вышли на улицу, прямо на наших глазах, к дому Герасимовичей подъехала старая серая буханка, встала прямо там, где я закопал в снег сумку с бутылками, и стала сдавать назад к воротам, видимо пытаюсь развернуться. Я подорвался бегом к ней.

– Алё, алё, командир! – забарабанил я в дверцу машины.

Буханка остановилась, из неё вышел здоровый водила лет двадцати пяти.

– Чего надо? – агрессивно спросил он.

– Тут такое дело, – не знал я, с чего начать. – Сумку мы тут спрятали в снегу.

– А я тут причём? – начал раздражаться парень.

– Ты машину прямо на неё поставил, командир, – простонал я.

– На кого?

– На сумку.

– Ну давай переставлю, – ухмыльнулся водила непонятно чему, забрался в машину и начал сдавать назад к воротам Герасимовичей. Не вписался. Выехал на проезжую часть через сумку и со второго раза припарковался у ворот. Вышел из машины, закурил и встал рядом, с интересом наблюдая за мной.

Я боялся идти смотреть, что случилось с моими алкогольными запасами. На трясущихся ногах я подошёл к тому месту, куда закопал сумку. Узнать место было невозможно: снег был укатан колёсами буханки. Я примерно сориентировался по придорожным деревьям, упал на колени и начал руками разрывать снег в колеях. Потом немного успокоился, сел тут же на снегу и стал рассуждать. Колёи были ровными, не похоже, что машина наехала на бутылки: был бы или горб, или цветное пятно в снегу. Я обшарил снег вокруг следов от колёс. Ничего. Не могла же целая сумка бутылок испариться.

Я встал, оглядываясь в недоумении и только тут обратил внимание, что буханка до сих пор не уехала.

Я посмотрел на машину, и что-то меня заставило пойти пошарить под бампером буханки. Я сразу нащупал там свою прелесть в плотном снегу. Бережно вытащил, заглянул в сумку. Это невероятно, но бутылки были целы.

– Нашёл что ли? – удивлённо спросил водила, заглядывая в мою авоську. Он, похоже, сначала не поверил в историю со спрятанной сумкой.

– Нашёл, – обрадованно подтвердил я. – Извини, командир, за беспокойство. Славка, пошли.

Я подхватил друга под локоть и повёл его скорее прочь, чувствуя спиной чей-то взгляд.

* * *

Игорь Герасимович пришёл домой с работы, коротко поздоровался с отцом. Сестра засуетилась с ужином. Игорь был очень голоден и наскоро умывшись уселся за стол. Батя сел напротив.

– У нас сегодня были гости, – начал батя издалека.

– Что за гости? – спросил Игорь с набитым ртом.

– Приходили два пацана, Светкины одноклассники, – еле сдерживая смех, начал рассказывать отец. – Просили отпустить Светку с классом завтра в поход с ночевкой.

– А ты что?

– Я обещал подумать, – начиная в голос смеяться, ответил Валентин Васильевич. – Ты бы видел этих делегатов! Столько пафоса! Оба под мухой, один всё стоял, дверной косяк с важным видом подпирал. Я сперва подумал, они Светку сватать пришли!

Валентин Васильевич начал хохотать, не в силах больше сдерживаться.

– Детский сад, – улыбнулся Игорь. – Бать, да пусть идёт. Что с ней там случится?

– Да, я тоже так подумал, пусть идёт, – смеясь, сказал отец, глядя на Светку. – Смешные такие пацаны у вас.

– Это ладно, – вспомнил, улыбаясь Игорь. – Я сегодня паркуюсь возле дома, подлетает ко мне пацанчик и орёт: ты на сумку мою наехал. Какую такую сумку, спрашиваю, я же помню: не было никакой сумки. А он говорит: я в снег её там закопал, куда ты заехал. Я к воротам встал, смотрю, он там снег руками роет, где я стоял: сумку ищет.

– Нашёл? – сквозь слёзы спросил отец, давясь от смеха.

– Представь себе, нашёл! – тоже смеясь, ответил Игорь. – Под бампер снегом вдавило, представляешь? Догадался ведь, сучёнок.

Мужчины смеялись от души.

– А самый прикол не в этом, – немного успокоившись, продолжал Игорь. – У него в этой сумке несколько бутылок было, и ни одна не разбилась, представляешь?

* * *

Я благополучно довёл Славку до его дома и зашёл к Ивану Николаеву. Постучал калиткой, разбудил овчара, тот меня добросовестно облаял и вскоре я услышал женский голос из приоткрытой двери сеней:

– Кто там?

– Тётя Маш, это Паша Ивлев. Иван дома?

– Сейчас позову, – откликнулась из темноты тётя Маша.

Вышел Иван и с удивлением подал мне руку.

Я поздоровался с ним, вытащил из внутреннего кармана бушлата наган и патроны в пакете из-под сахара и молча протянул ему.

– Не понял, – ошалело глядя на всё это, сказал Иван.

– Цушко умер сегодня, – объяснил я.

– Серьёзно?

– Да. Я когда в больнице друга навещал, встретил врача Марину. Она мне рассказала. Похоже, что последняя ревизия его доконала. И хорошо, что это сейчас случилось, а не после того, как наш сюрприз у него нашли бы.

– Согласен, – задумчиво проговорил Иван, явно в шоке. – Спасибо! – поблагодарил он меня, забрал наган с патронами и протянул руку, чтобы попрощаться.

– Тут ещё это, – проговорил я, доставая из кармана пачку денег, – я у Цушко в баре случайно жестянку с деньгами нашёл. Возьми, передай Веронике или купи ей что-нибудь. Думаю, ей полагается компенсация за моральный урон.

Иван стоял и растерянно смотрел на деньги. Потом все-таки взял их и положил в карман.

– Спасибо! Я подумаю, как Веронике их отдать. Так просто она их не возьмет. Может и правда купить ей что-то, – задумчиво проговорил он.

– Бумаги в шкафу проверил, – переключился я на другую тему, – мыши все сожрали сверху, не восстановить. Так что этой проблемы тоже больше нет.

– Ничего себе! Таки сработало, – ответил Иван, – я до последнего сомневался, что получится.

– Да, сработало, – сказал я, – надо деда Ариста при случае поблагодарить за отличную подсказку.

– Обязательно, – кивнул Иван, – наган буду отдавать, скажу спасибо.

Мы попрощались, и я направился к себе. Не хотел светить алкоголь перед своими женщинами и спрятал бутылки в сарае в дровах.

Дома умопомрачительно пахло жареной рыбой.

Я повесил пустую сетку на место, сполоснул руки и плюхнулся за стол.

Передо мной тут же поставили целую миску жареной ледяной. Боже, как давно я её не ел. Я набросился на неё, ел с одним только хлебом. Вкуснятина.

В дом вошла Эмма, скромно кивнула мне. Она принесла какие-то вещи в двух сетках. Я кивнул ей в ответ. Домой ходила, догадался я.

– Что, мать не приехала ещё? – спросил я её.

– Нет пока, – ответила Эмма.

– Ну, может, завтра приедет, – предположил я.

– Нет, завтра не приедет, – возразила бабушка. – По субботам не выписывают. Если бы выписали сегодня, она бы уже приехала на дизеле в семь часов. Теперь только в понедельник вечером будет, если выпишут.

– Понятно. А ты, – обратился я к Эмме, – встречать её пойдёшь в понедельник?

– Нет, наверное, – ответила она немного растерянно. – Зачем?

– Ну, она же одна, – удивился я её безразличию, – с ребёнком, с вещами.

– Я тоже с ребёнком, – тихо проговорила Эмма.

Я взглянул на бабушку.

– Разве это неправда? – спросила та, с вызовом глядя на меня.

– Правда. Всё правильно, – быстро согласился я. Как мои феминистки быстро промыли мозги девчонке. Молодцы.

– Ты хоть записку догадалась оставить ей, где тебя искать?

– Нет, – ответила Эмма, поджав губы. – Специально не оставила. Пусть помучается, куда мы пропали.

– Ну, так тоже нехорошо, – с сомнением сказал я, взглянув на бабулю.

– Ничего, ей полезно будет не только о себе подумать, – возразила бабушка.

– Ну, вам виднее, – согласился я. Если бы я знал, что за человек мать Эммы, может мне и было бы что возразить. А так, не стану лучше влезать в женские разборки без необходимости.

Эмма прошла в мою гостиную и начала выкладывать на мой диван принесенные вещи.

– В поход собралась? – спросил я её, не вставая из-за стола.

– Вроде собралась, – ответила она.

– Двое штанов, одни снимешь в спальник, – начал вспоминать я советы Славки и свой собственный опыт. – Рубашку. Два свитера, один с горлом, вместо шарфа. Носки: двое тонких, двое толстых. Варежки обязательно, в перчатках руки отмёрзнут. Осеннюю куртку. Компас. Спички. Фонарик. КЛМН. Фляжку. Спальник.

– Что за КЛМН? – спросила из гостиной Эмма.

– Кружка, ложка, миска, нож.

– А носков зачем столько? – поинтересовалась она.

– По двое сразу будешь надевать, – пояснил я, – сначала тонкие, сверху толстые, так теплее будет.

– А два по два зачем?

– Ну, вдруг ноги промочишь. Ты же много в походы ходила, что такую ерунду спрашиваешь?

– Когда это было!.. – с горечью в голосе ответила Эмма.

– Эй, тише там, – слышалось из комнаты мамы. – Я, между прочим, детей спать укладываю.

Эмма притворно сделала круглые испуганные глаза и зажала рот рукой.

* * *

Пашкина бабушка тоже смутилась, она даже не подумала, что Польша там детей укладывает, а они тут шумят, переговариваясь из разных комнат – увлеклась наблюдением за внуком, непонятным образом изменившимся после неудачной попытки суицида.

Чем больше она на него смотрела, тем больше вопросов у неё возникало. Вот, например, сегодня: откуда он знает, что надо брать с собой в поход? Он в поход ходил один раз в жизни, и то без ночёвки. Да еще уверенно так Эмму инструктирует, со знанием дела. Совсем на себя прежнего не похож.

* * *

Я почувствовал, что наелся. Причём наелся деликатесом, давно я не ел ледяной. Бабушка забрала со стола миску с оставшейся рыбой и поставила на стол большую корзинку с баранками.

– Вот, Герман из Москвы привёз, – сказала бабуля довольным голосом. – Заходил сегодня Эмму проведать.

– Какая разница? Из Москвы, не из Москвы, – пробормотал я, – баранки они и в Африке баранки.

– Не скажи, – возразила бабушка. – У нас таких не делают.

Я налил себе чаю и решил совместить полезное с приятным: почитать учебники за чаем, пока спать не легли.

Я пошёл к себе, достал дневник. Так, что у нас там завтра? История, физика, химия, обществоведение, биология, НВП.

Уложив учебники и тетрадки по расписанию в портфель, я вынес его в кухню и вытащил первый попавшийся учебник. Это оказалось обществоведение.

Я уселся за стол, открыл книгу, засунул баранку в рот и приготовился читать. О, а баранки и правда, обалденные: ванильные, хрустящие, хрупкие. Теперь понял разницу с местными.

Обществоведение я учил в техникуме, даже как-то умудрился госэкзамен на отлично сдать. Что отвечал на экзамене не помню, помню, что это была единственная тема, которую я знал. Мне тогда несказанно повезло.

Я открыл учебник наугад и начал вслух читать: «Религия – это фантастическое, извращённое отражение мира в сознании человека».

Приехали. Я отложил книгу, и тихонько спросил:

– Ба, а ты крещёная?

– Конечно.

– А мама?

– И мама.

– А я?

– Ты нет.

– Почему?

– По кочану, – отрезала бабуля. – Я член партии.

Ну понятно, по статусу не положено. Интересно, а если я крестился в той своей жизни, а Пашка в этой нет, я теперь в этой жизни считаюсь крещёным или некрещёным? Думаю, что крещёным, для Бога же душа единица измерения жизни, а не тело.

Я взял учебник и стал читать дальше. Пафосные оды материализму быстро надоели.

– Атеизм это тоже религия. – сказал я, засовывая учебник в портфель и доставая химию.

– Что-что? – спросила удивлённая бабушка.

– Атеизм тоже религия, – повторил я. – Вера в то, что Бога нет.

– Так его и нет, – присоединилась к нам за столом Эмма и взяла баранку из корзинки.

– Так это не доказано, – передразнил её я её же тоном, – как не доказано и то, что он есть. А значит ты в любом случае веришь в то, что доказать нельзя. Значит, атеизм – тоже по сути религия.

Эмма ошалело смотрела на меня. По ее глазам было видно, что такая точка зрения на вопрос никогда раньше не приходила ей в голову. Она пыталась осмыслить новую информацию и придумать контраргументы, но ничего не получалось. В итоге она просто сидела и хлопала глазами. Выглядело все это довольно забавно.

– Так. На горшок, умываться и спать, фантазёры, – распорядилась бабушка. Я не стал спорить с ней. Тему религии лучше без необходимости в СССР не трогать, чревато.

Ходики показывали уже половину одиннадцатого, и правда, надо ложиться спать.

Я быстро умылся и лёг. Женщины ещё какое – то время копошились, потом разлеглись по койкам. Вскоре всё стихло.

Я думал о Цушко, о Никифоровне. И о том, как несправедлива жизнь. Я обещал Никифоровне заменить патрон в снях, а никак не могу в течение недели дойти до рядов на Площади. В воскресенье рынок, и опять я не попадаю. Хоть занятия в школе прогуливай.

– Ба, – тихо позвал я.

– Что?

– А какого чёрта дети в школах по субботам учатся? Разве это удобно? Родители дома, а дети в школе.

– Взрослых три года только как на пятидневку перевели, – ответила бабуля. – Подожди, и школы тоже переведут.

– Три года? А раньше как работали?

– Шестидневку.

– Один только выходной был?

– Да, но мы работали по семь часов. Кстати, сейчас тоже чёрные субботы есть, как минимум, раз в месяц.

Да уж, чёрные субботы, как же, как же, помню. Я повернулся на бок и улёгся поудобнее.

– Спокойной ночи, – пожелал я бабушке.

– Спокойной ночи, – ответила она.

Я почти сразу уснул.

* * *

Ивану не спалось. Он всё ворочался и думал, как же так, Цушко умер, документы уничтожены. Нет больше угрозы Веронике. Не надо что-то выдумывать, само всё рассосалось.

Цушко умер... О мёртвых или хорошо, или никак.

И Пашка, конечно, прав: хорошо, что он умер не из-за их подставы.

Как же им обоим повезло, что не пришлось марать руки и совесть.

С этой мыслью Иван, наконец-то, успокоился и заснул.

* * *

Проснулся я от того, что бабуля трясла меня за плечо.

– Просыпайся, полседьмого, – доложила она, увидев, что я наконец-то открыл глаза.

Я сел в кровати, пытаюсь вспомнить, какой сегодня день, и что я должен сейчас делать. Вышел на улицу в одних трусах и майке. Уже почти рассвело. Чувствовался лёгкий мороз. Но небо было чистое, будет солнечный день, что не могло не радовать в свете предстоящего похода.

Вернулся в хату, умылся, оделся и вышел на улицу. Славки ещё не было видно. Я вернулся во двор, помахал руками, поотжимался. И услышал громкий хруст льда под чьими-то ногами. Вышел на улицу как раз навстречу Славке. Он, не сбавляя ходу, протянул мне руку, я шлёпнул по ней вместо приветствия.

Мы побежали вдвоём по уже ставшему привычным маршруту.

– Как дела? – спросил он.

– Нормально. Как сам? Как самочувствие?

– Думал, будет хуже, – ответил он.

– Родители ничего не сказали?

– Что вчера было, не помню, – честно признался Славка. – А сегодня быстренько оделся и на зарядку сбежал.

– Не, ну сегодня ты бодрячком, – заверил я его. Коньяк у Цушко был хороший. – Вернётся сейчас домой, веди себя, как ни в чём ни бывало.

– Угу, – согласился Славка. – Что Эмма, собралась?

– Собралась вроде. Вчера дядька её заходил племянницу поведать, московских баранок оставил целую корзинку. Напомни мне в поход взять немного.

– Хорошо, напомню. А что насчёт вина? – поинтересовался Славка. – Ты хотел взять в поход девчонкам.

– Всё нормально, есть бутылка, – ответил я, покосившись на него. Он что, не помнит, что было в той сетке, что я вчера таскал, когда ушли с базы?

– О, отлично, – заметно повеселел Славка.

Пробегая мимо дома Герасимовичей, я вспомнил, как рылся вчера в снегу в поисках сетки с бутылками, когда на неё наехала буханка.

Кстати, буханка так и стояла у ворот второго дома по правой стороне сразу после Большого моста.

Я обратил на неё внимание, но никаких выводов не сделал.

– Интересно, отпустят Светку в поход? – задумчиво спросил я.

– О. А мы ходили вчера к ней?

– Здравсте! – воскликнул я и от удивления остановился перед Славкой. – А ты не помнишь? Ты же сам сказал вчера, что я классно выступил перед Светкиным батей.

– Не помню, – виновато пробормотал Славка, наскочив на меня, – вот как и ты говоришь постоянно, о чем не спроси из прошлого – не помню.

– Во дела, – пробормотал я. – Ну, в школу придём, спросим у неё.

Мы побежали дальше, добежали до проходной хлебозавода, развернулись и побежали обратно.

В предыдущие дни обратно мы бежали на скорость. Я думал, что сегодня у нас это не получится с бодуна. Но, на удивление, мы рванули и добежали до поворота на нашу улицу. Что значит, молодой организм. Славка опять меня обогнал, хотя я упирался изо всех сил.

Свернув к нам на улицу, мы перешли на шаг. Я уже предвкушал водные процедуры во дворе и собрался прощаться со Славкой, но он с деловым видом открыл нашу калитку и впереди меня направился к дому.

– Ты куда? – догнал я его и схватил за рукав.

– Спрошу у Эммы, всё ли у неё к походу готово, – невинно ответил он.

– Славка, нельзя с утра врываться к девушке, – я взял его за плечи, – она в ночнушке, не причёсана. Ты представляешь, как она смутится? Потом каждый раз при встрече будет стесняться глаза на тебя поднять. Ты этого хочешь?

– Нет, – озадаченно ответил Славка.

– Тогда топай отсюда, – сказал я ему.

Глава 6

20.02.71 г. У дома Домрацких-Ивлевых.

– А ты? – спросил он, подозрительно глядя на меня.

– А я ей уже как брат, – безапелляционно заявил я, потому что оно так и было.

Я бесцеремонно вытолкал Славку со двора. И, как оказалось, правильно сделал.

Когда я вошёл, Эмма сидела за столом в кухне только что проснувшаяся, недовольная, лохматая.

Бабушка хлопотала у конфорок печи. Когда я вошёл, она кивнула в сторону полотенца, висевшего на спинке стула. Быстро она приняла мои утренние обливания.

– Вытрись как следует перед тем, как в дом заходить, – сказала она, – а то вечно с тебя течёт...

– Хорошо, – с улыбкой сказал я. – Сейчас еле отбилась от Славки. Хотел с Эммой поговорить.

Эмма тут же проснулась и сделала испуганное лицо.

– Чего он хотел? – удивлённо спросила бабуля, оторвавшись от кастрюли.

– Шефство мечтает над Эммой взять, – подмигнул я бабушке, раздеваясь до трусов. – Беспокоится, всё ли она в поход взяла.

Я взял ведро и потащил его во двор.

– Полотенце! – крикнула мне в след бабуля.

Эмма взяла полотенце, вышла из хаты и выглядывала из двери сеней, с любопытством наблюдая за мной.

Я лил на себя воду медленно: и руки качаются, пока десять литров над головой держишь, и эффект от обливания усиливается.

Я поставил пустое ведро на крыльцо. Стянул у впечатлившейся Эммы с плеч полотенце и шлёпнул им её по бёдрам, намекая, чтобы она свалила в хату и дала мне раздеться и вытереться.

Она, насупившись, ушла. Я так и не понял, чего она обиделась, не стриптиз же я должен был ей в сенях устраивать.

Я обернул полотенце вокруг бёдер, мокрые трусы швырнул в грязное бельё и пошёл одеваться в комнату бабули.

Одевшись, я вышел к столу, на котором уже стоял завтрак: омлет и бутерброд с маслом.

– Ба, а можно взять баранок в поход? – спросил на всякий случай я.

– Бери, конечно.

– Дай, пожалуйста, мешочек какой-нибудь, – попросил я, уплетая омлет.

Надо сразу бутылку вина в рюкзак положить, чтобы не забыть, подумал я, наливая чай.

– Рюкзак! – вырвалось у меня. – Я же не нашёл ещё рюкзак. Ба!

– Что ты орёшь? – спокойно ответила бабушка. – В сенях посмотри в сундуке.

Я поставил чашку на стол и рванул в сени. В сундуке, и правда, нашёлся брезентовый рюкзак с клапаном на ремнях и тремя внешними карманами. Вместительный такой.

Как я мог забыть про рюкзак и всё остальное?! Я принёс его в хату, положил на Инкину кровать, на которой сейчас спал. Она была уже заправлена. В рюкзаке, во внешнем кармане, оказался в отдельном мешочке набор КЛИМН, коробок спичек в жестяной коробке от драже монпансье, армейская фляжка и компас. Уже что-то.

Я пошёл, глотнул чаю и закинул в рот баранку. Сходил в сени за спальником.

– Ба, дай трофейный фонарик в поход, – попросил я. – А ещё старые штаны тёплые две штуки. Два свитера старых, один с горлом. Рубашку и носки: две пары тонких, две пары толстых. И есть какая-нибудь куртка или штормовка старая?

– Посмотрю сейчас.

Я опять глотнул чаю, закинулся баранкой и пошёл за водой.

Когда я принёс ведро воды, на кровати рядом с рюкзаком уже лежали какие-то вещи. Я пошёл посмотреть. Штаны с начёсом какого-то тёмно-бордового цвета и х/бшные чёрные трико. Фланелевая рубашка с длинным рукавом в клетку. Два свитера, один, что потоньше, явно женский. И носки. Я отобрал пару тонких и толстых носков, положил в рюкзак, тонкий свитер тоже. Женский, не женский – нужно будет переодеться, если вспотеешь, все пойдет в дело. Остальное надену на себя.

В комнату вошла бабушка, держа в руках брезентовый свёрток. Она подала его мне. Для штормовки великоват. Я начал разворачивать его. На пол упал шнур с обмотанными краями. Я уже понял, что это такое.

– О! То, что надо, – воскликнул я.

Плащ-палатка. Армейская. Настоящая. Новая. Сколько мы в армии с такой-же пережили. И марш-броски. И наряды. И спали мы на них, свернув в несколько раз.

Я улыбнулся ей как старому другу. Развернул, проверил люверсы, шпильки и петли. Всё на месте, всё в лучшем виде. Я бережно свернул её, вложив обратно в свёрток шнур, и спрятал в рюкзак.

– Ты знаешь, что это такое? – спросила бабуля, подозрительно глядя на меня.

– Конечно, – напрягся я. – А разве не должен?

– Откуда?

– В кино видел, – соврал я.

– Что видел?

– Красноармейца в плащ-палатке. Ба! Ну, ты чего?

– Как ты её в сложенном виде узнал?

– На НВП показывали, – нашёлся я.

Я поспешил выйти из комнаты, чтобы завершить этот допрос. Похоже, что опять спалился. Надо делать ноги поскорее, тем более, что пора было уже идти в школу.

Я оделся, взял портфель, вышел на улицу и остался стоять у своей калитки ждать Славку. Чего бабушка такая подозрительная сегодня? Что я такого сделал?

* * *

Бабушка стояла в своей спальне, растерянно глядя на Пашкин рюкзак. Что-то очень беспокоило её. Она сосредоточенно вспоминала, как Пашка ловко обращался с плащ-палаткой.

Он так буднично, привычными движениями развернул её, проверил крепления, свернул, как будто делал это много, много раз до этого.

Она была уверена, что внук сегодня держал в руках плащ-палатку первый раз в жизни. Но то, как он обращался с ней говорило об обратном.

* * *

Вскоре показался Славка, я помахал ему рукой и не спеша направился в сторону школы. Он вскоре догнал меня.

– Представляешь, – начал жаловаться ему я, – обо всех позаботился, к Светке ходил, чтоб её в поход отпустили, вина раздобыл девчонкам, за Эмку перед Аркадием хлопотал, а о самом главном даже не подумал.

– О чём не подумал?

– Себе рюкзак собрать. Бегал сейчас по дому как курица с отрубленной башкой. Рюкзак искал, собирал.

Славка хихикнул.

– Да ладно, брось. Хорошо, что вообще про поход вспомнил. После вчерашнего. Я домой с зарядки прибежал, мне так влетело.

– За что? – удивился я.

– Говорят, я вчера с бати тапки снять пытался, орал, что это мои.

– А это не твои были?

– У нас одинаковые. Вторая пара в сенях стояла, но я её с пьяных глаз не заметил.

Я начал тихо смеяться, отстал немного, чтоб Славка не заметил. Он оглянулся, и я заржал в голос, представляя, как он бухой пытается с отца тапки снять.

Он тоже засмеялся.

Мы так и дошли до школы, то смеёмся до слёз, успокоимся немного, потом посмотрим друг на друга и давай опять ржать.

Входя в раздевалку, мы сделали серьёзные лица, поздоровались с одноклассниками. Светка была уже тут.

– Ну что? – спросили мы её в один голос. – Отпустили?

– Отпустили, – ответила Герасимович, еле сдерживая смех.

– Ура! Мы победили, – воскликнул я и повернулся к Славке. – Дай пять.

– Как вам в голову пришло в таком виде заявиться? – ухмыляясь, спросила она. – У меня батя с братом весь вечер вчера ржали.

– Не важно. Главное – результат! – возразил ей я. – А чего они ржали – то?

– Да вы оба никакие вчера были!

– Неправда. Мы ещё очень даже ничего были, – сказал я.

– На ногах стояли, – поддакнул Славка. – Вроде.

– А не вы ли вчера авоську с бутылками в снег зарыли? – вдруг серьёзно спросила Светка. – Брат вчера рассказывал, парковался возле дома...

– Это твой брат был? – искренне удивился я. – Не. Не мы.

Это прозвучало как признание. Все засмеялись.

– Так, так. Что за бутылки? – оживился Полянский.

– Одна бутылка, – поправил его я. – Вечером увидишь.

Мы пошли на историю. Игорь Иванович был уже в классе. Лёха Мужичкий о чём-то спорил с ним. Мы со Славкой уселись на свои места.

Сегодня у нас была очередная тема по Великой Отечественной Войне. Не прошло и минуты с начала урока, как директор вызвал меня к доске.

– Ну что же, Павел, – сказал он, – помня твой интерес к этой теме, хотел бы послушать, как ты оцениваешь нашу великую победу с точки зрения ее влияния на весь мир.

Интерес я на уроках действительно продемонстрировал. Уж больно хорошо Игорь Иванович преподавал историю – оставалось только жалеть, что в прошлой жизни мне такого учителя не досталось. Впрочем, кто его знает – может, пошел бы под его влиянием учиться на исторический факультет, а не на экономику. И можно только представить себе, как бы мне тогда тяжело было выживать в 90-е с таким дипломом. Наверное, всему свое время. Теперь, прекрасно разбираясь в экономике, я могу вволю интересоваться историей.

Вопрос мне задал директор прямо в масть – тут мне учиться заново не надо, только совсем уж равнодушный мужик моих лет не вел на эту тему многочасовые дискуссии до хрипоты. Когда Союз распался, в девяностых было не до трепа, все сосредоточенно выживали. А вот в двадцать первом веке немного отъелись, и вот тогда и осознали, что потеряли. Спорили так ожесточенно, что закадычные друзья врагами становились! Но материала я набрался много, мне его не на один урок истории в советской школе хватит. Главное, что-то не ляпнуть не то. Так, надо почаще говорить про империализм вместо Запада, и по идее должно будет прокатить. Ну а НАТО давно существует, его можно так и употреблять.

– Советский Союз, – начал я, – в результате этой победы стал самой сильной военной державой в мире и создал на территории Европы мощный социалистический лагерь из освобожденных от фашизма стран. Болгария и Польша, Венгрия и Чехословакия, Румыния и ГДР присоединились к делу строительства социализма. Не случайно буквально сразу же после войны обеспокоенный Запад... э, лагерь империалистов, начал объединять свои силы, чтобы попытаться остановить влияние идей социализма на собственное население. Было создано НАТО – агрессивный военный блок, терпеливо ждущий любой ошибки в наших действиях, чтобы тут же попытаться перехватить лидерство в мире.

В свою очередь, руководство СССР тоже понимает, что противостояние с лагерем империалистов серьезно. Мы мирная страна и никому не угрожаем, но нам нужна сильная армия и постоянная бдительность. Запад... э... капиталистический мир будет нас провоцировать и всячески стремиться к тому, чтобы мы совершили какую-нибудь серьезную ошибку под его давлением.

– Интересное, зрелое выступление, – видно было, что директор удивлен, – и какие ошибки, ты считаешь, мы не должны делать?

– Нам нужно, прежде всего, сохранить ту сплоченность, что появилась после победы в великой войне. Если мы будем едины, как граждане одной великой страны, как советские люди, то никто не сможет с нами справиться. Империалисты надеются, что мы начнем забывать о том, что мы граждане одной страны, они надеются сделать из советских людей снова сотни национальностей, чтобы разорвать нашу страну на множество отдельных государств. А сделав это, они смогут тут же забрать себе и социалистические страны Восточной Европы – сами они, без СССР, противостоять им не в состоянии.

– Очень интересно, Павел! – директор был явно воодушевлен, – и как ты считаешь, какие способы будут использовать империалисты, чтобы ударить по единству советского народа?

– Воспевать чуждые нам ценности, конечно! – пожал я плечами, – ссорить между собой русских и украинцев, белорусов и литовцев. Внушать народам СССР, что они могли бы жить лучше, если бы где-то в Москве не съедали бы их колбасу. Воспитывать алчность, стремление владеть как можно большим количеством денег и материальных ценностей. Приукрашивать жизнь в империалистическом лагере, жалеть нас прилюдно, как мол, плохо мы в СССР живем. Замалчивать любые достижения Советского Союза, от бесплатной медицины и отсутствия безработицы до выделенных государством квартир. Помалкивать о том, что в странах империализма никто тебе квартиру не даст, если не подпишешься на рабство перед банком за выданный кредит на тридцать лет. И будешь дрожать каждый месяц, чтобы не уволили, потому что банк тогда квартиру отберет и тебя с семьей выкинет на улицу.

Я остановился на несколько секунд – в горле пересохло. В классе стояла звенящая тишина – муха пролетит, и то будет слышно. Сглотнув, продолжил дальше:

– И, что особенно неприятно, всячески исказить правду о Великой Отечественной Войне. Внушать, что победу в ней одержал не Советский Союз, а США и их союзники, заставлять забыть о том, что именно войска СССР разгромили четыре пятых войск фашистской Германии. Воспевать предателей, которые помогли Гитлеру измываться в концлагерях над советскими гражданами, делать из них героев, называть в их честь улицы и ставить им памятники. Разрушать памятники в честь настоящих героев Великой Отечественной Войны, принесших свободу Европе.

Глаза не то что у учеников – у самого директора стали круглыми, когда я это сказал. Ну да, в такое невозможно поверить, если сам не побывал в будущем! Я же просто рассказал вкратце, как оно все там будет, а прозвучало, как ненаучная фантастика.

– Спасибо, Павел, присаживайся! – директор, посадив меня на место, закашлялся, видно было, что нарисованные мной зловещие планы империалистов его потрясли, – ну что же,

ребята и девчата, постараемся не дать этим планам империалистов воплотиться в реальность, не опорочим память наших отцов и дедов, погибших на этой войне!

– Ну ты задвинул, раз уж так директора проняло! – ткнул меня в ребра локтем Славка, – даже не знал, что ты так можешь! Фантазия, у тебя, конечно, сумасшедшая – называть в честь предателей улицы!

Я лишь грустно ему в ответ улыбнулся. Доживешь до моих прежних лет, Славка, все увидишь своими глазами.

Физику отсидели без происшествий. Занятия шли своим чередом. Я думал, что НВП у нас не будет, и мы сразу разойдёмся по домам за рюкзаками. Но урок никто отменять не собирался.

Мы спустились в подвал. Там нас ждали Аркадий и школьная медсестра. Оказывается, по учебному плану у нас сегодня оказание первой медицинской помощи.

Прозвенел звонок.

– По местам, – зычно крикнул Аркадий.

Мы разбрелись по подвалу.

– Сегодня у нас урок ведёт Наталья Кирилловна, – доложил он нам, когда мы расселись. Ничего нового я на этом уроке не узнал. Нам показывали, как делать искусственное дыхание.

Я не стал умничать по поводу того, что не всем пострадавшим это можно делать, особенно пострадавшим в ДТП, рёбра могут быть сломаны и этой процедурой можно лёгкое осколком ребра проткнуть. Спросить могут – откуда узнал, и что говорить?

Я ходил вокруг одноклассников, которые разбившись парами по очереди делали друг другу искусственное дыхание. Один лежал на мате, второй его спасал.

Мне одному, как-то так вышло, пары не хватило.

Одноклассники веселились, медсестра и Аркадий сначала активно показывали им, как это делается, потом медсестра, утомившись, встала рядом с матами.

Я встал рядом с ней.

– Всегда хотел узнать, – от скуки начал я, – как долго надо делать искусственное дыхание?

– Сколько надо, столько и надо делать, – ответила она. – До приезда скорой.

– А если нет скорой и не будет?

– Как это?

– Ну, например, далеко мы в тайге в экспедиции.

– Ну, тогда, пока человек сам не задышит, – ответила она.

– Искусственное дыхание является реанимационным мероприятием? – донимал её я.

– Конечно, сердечно-лёгочная реанимация, – ответила она.

– Я, когда в больнице лежал, видел, как доктор Юрий Васильевич мужику ударом кулака сердце завёл.

– Это называется прекардиальный удар, – улыбнулась Наталья Кирилловна. – На самом деле, ударов должно было быть два.

– Точно, два, – вспомнил я.

– С высоты 20–30 сантиметров бьёшь вот в эту точку, – показала она, ткнув меня в грудь. – Но это сработает только, если сердце остановилось не более тридцати-сорока секунд назад. И после каждого удара контролируется пульс.

– Как контролируется? – заинтересовался я. – На шее?

– На сонной артерии. Вот тут, – она нажала мне на шею. – Попробуй.

Да, знаю я это место, все удушающие захваты делаются по сонной артерии.

Как интересно. В техникуме у нас была военная подготовка, но такого нам не рассказывали. Век живи, век учишься.

Тут раздался девчачий визг. Мы с медсестрой резко повернулись к матам. Ветка поменялась с Юлькой местами и пыталась делать ей искусственное дыхание. Юлька извивалась и визжала с хохотом.

Да она щекотки боится!

– Давай, я попробую! – улыбаясь, громко предложил я, подходя к ним.

– Не надо! – тут же стихла Юлька.

Ну нет, так нет. Я же по-доброму хотел. Да и вообще, раз все ее моей девушкой считают, и она вроде как и не против, может, пора ей что-то уже и делать в этом направлении. Или убедить меня, что ничего такого на деле и нет, и время зря на это не тратить, продолжать развивать дружескую линию.

Я хотел ещё что-нибудь спросить у медсестры, но она уже стояла рядом с Аркадием и что-то с ним обсуждала.

До конца урока оставалось ещё время, но Аркадий собрал нас вокруг себя.

– Всё. Урок закончен, – объявил он. – Туристы, по домам. Встречаемся у школы через час. Не опаздывать! Кто без лыж, приходите раньше минут на десять-пятнадцать – лыжи подобрать.

Мы бросились в раздевалку.

Вино бы не забыть, думал я, когда мы со Славкой неслись домой.

– Я сейчас быстренько поем и к тебе, – пообещал Славка, когда мы добежали до моего дома.

Глава 7

20.02.71 г. Дома у Домрацких-Ивлевых.

Да, пообедать не мешало бы.

Эмма была уже одета, только куртка и шапка остались.

– Готова? – спросил я её, врываясь в хату.

– Вроде да, – ответила она, возбуждённо теребя край свитера.

– Пообедала?

– Не хочется что-то.

– Надо. Садись, ешь, – скомандовал я и пошёл переодеваться.

Когда мыл руки, заметил, что в ведре воды опять нет.

Бабушка поставила нам тарелки с куриным супом и миску со вчерашней жареной ледяной. Я был голоден и сожрал и суп, и рыбу. Эмма только поковырялась в супе немного. Ну, хоть так. Что-то она волнуется.

Я схватил пустое ведро и побежал на колонку. Пока наливал воду, Славка вышел на улицу.

Мы так и пришли обратно вдвоём. Он рюкзак свой в сенях оставил, разулся и вошёл за мной в хату. Я поставил ведро на место и поспешил проверить ещё раз, всё ли взял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.